

Евгений СУХОВ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРЕСТУПНИК

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Государственный преступник

«ЭКСМО»

2007

Сухов Е. Е.

Государственный преступник / Е. Е. Сухов — «Эксмо», 2007

Отставной штабс-ротмистр Артемий Аристов – прирожденный сыщик. Смерть пассажира в поезде, идущем в Нижний Новгород, кажется вполне естественной – сердечный приступ. Но Аристов доказывает, что это изощренное убийство, совершенное для того, чтобы завладеть секретными государственными документами. Сыщик и его молодой помощник барон Дагер выходят на след таинственного незнакомца в пенсне с синими стеклами. Это и есть убийца-виртуоз, обладающий уникальными способностями. В ходе охоты на преступника сыщики обнаруживают могущественную тайную организацию, которая собирается круто изменить ход истории...

© Сухов Е. Е., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

ЧАСТЬ I	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	28
Глава 7	34
Глава 8	37
Глава 9	39
Глава 10	47
Глава 11	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Евгений Сухов

Государственный преступник

ЧАСТЬ I

СМЕРТЬ В ЖЕЛТОМ ВАГОНЕ

Глава 1

ПАССАЖИР ИЗ ПЕРВОГО КЛАССА

Новенький «Стефенсон» сбавил ход и трижды коротко свистнул. Дескать, вот он я, встречайте! Тренькнул станционный колокол, и по вагонам, сообразуясь с ночным временем, приглушенно – кому надо услышат – разнеслось:

– Ротозеево, господа! Стоянка десять минут!

Собственно, кроме небольшой брички, которую еще именуют охотничьей, с дремлющим на ней возницей, встречающих не было. Станционный же смотритель не в счет – ему по должности положено встречать и отправлять поезда.

Поскучав десять минут и проводив взглядом сошедших с поезда земского лекаря с выдавшим виды саквояжем, двух незнакомых мужчин – а скорее, мужчину и юношу, у коего еще и усы-то не начали расти, – и молодого человека с офицерской выправкой в венгерке с брандбурами, смотритель трижды ударил в колокол, но ответного свистка паровоза не последовало. Он ударил в колокол еще и еще раз, но поезд продолжал стоять.

– Неладно что-то, – буркнул под нос смотритель и потопал к голове поезда.

– Чего стоите? – крикнул он парню в фуражке, то и дело высовывающемуся в окно локомотива.

– Обер-кондуктор сказал погодить, – послышался ответ. – В желтом вагоне что-то случилось.

На площадке вагона второго класса, выкрашенного согласно железнодорожному уставу в желтый цвет, стояло несколько кондукторов.

– Чего не отправляетесь? – глядя на них снизу вверх, спросил смотритель.

– Покойник у нас в вагоне образовался, вот, кумекаем теперь, что делать, – ответил обер-кондуктор.

– А у меня расписание, – напустил на себя строгости смотритель. – Коли положено поезду стоять десять минут, значит, десять минут и не более. Вы мне весь график рушите. После большие неприятности могут случиться...

– Ну, одна неприятность уже есть, – хмуро заметил в ответ обер-кондуктор. – Вот сейчас отцепим вагон с покойником, и разбирайтесь тут с ним сами, раз у вас график. Он мне как-то тоже без надобности.

Смотритель посуровел:

– Отцеплять вагоны без согласования с начальством не положено...

– Ну, тогда найдите какое-нибудь начальство, – раздраженно ответил обер-кондуктор. – Лучше полицейское...

– Слушай, Степан Яковлевич, может, разбудим этого деда, о котором ты говорил? – предложил один из кондукторов.

– Какого еще деда? – вскинул брови обер-кондуктор.

– Ну, как же, ты сам говорил, что первым классом едет какой-то дока в сыском деле. Хвалился, что знаешь его по Средневожску...

– А, ты вот о ком, – задумался обер-кондуктор. – Да, его совет был бы нам на пользу. Что ж, попробуем...

Дед, он же дока уголовного сыска, спал как убитый. Впрочем, дедом его называть было бы несколько преждевременно. Ну, три морщины на лбу да две меж бровей; ну, серебряные нити на висках, брови кустом да шестьдесят седьмой годок по пашпорту – так что с того? А острый взгляд? А грудь колесом? А прямая спина и твердая поступь? А ясный ум? А ощущение всего-то двадцати годков где-то там, внутри, где живет душа, наконец? Все это поняли Степан Яковлевич с кондуктором Федором Кроховым, как только дока открыл глаза и спросил:

– Что, уже Нижний?

– Никак нет, ваше благородие, – почему-то вытянулся в струнку обер-кондуктор, сразу вспомнив, как зовут этого господина. – До Нижнего Новгорода, господин Аристов, еще часика полтора ходу будет.

Артемий Платонович бросил на говорившего быстрый взгляд.

– А-а, сосед бывший. Что ж ты, Степан Яковлев, уехал-то? – усмехнулся он, обнаружив еще и твердую память.

– Так ведь нету покуда в Средневожске железной дороги, а в Нижнем есть, – улыбнулся обер-кондуктор. – Вот проведут до Средневожска железку, авось вернусь.

– Ясно, – подвел итог любезностям Артемий Платонович. – Зачем разбудили?

– Совета у вас хотим спросить. Вы это, не оденетесь?

Остатки сна выдуло ночной прохладой. Аристов легко взобрался на подножку вагона, прошел коридором до двухместного купе.

– Вот здесь он... – остановили его кондуктора у двери купе.

– Открывайте, – приказал Артемий Платонович.

Крохов открыл дверь и отступил, пропуская Аристова вперед. В купе на одном из диванов полулежал средних лет человек в сорочке под казимировым жилетом. Даже при неясном свете масляного фонаря, стоящего на столике возле дивана, была заметна мертвенная бледность его лица и выражение немого вопроса в широко раскрытых глазах. Предрассветный ветерок, влетая в раскрытое окно купе, шевелил густые волосы на затылке мужчины, как бы отмечая последние сомнения, что он мертв. Сюртук цвета жженого каштана лежал на диване в ногах покойного. Никакого багажа в купе не было.

– Странно, – пробормотал Аристов и взял в руки сюртук. Пошарив по карманам, он выложил на столик связку ключей, серебряный портсигар с несколькими папиросами внутри и коробок шведских спичек. В кармане брюк было пусто. Пуст был и жилетный карман.

– Странно, – повторил Артемий Платонович и взглянул на обер-кондуктора. – Кто обнаружил труп?

– Я, – ответил Крохов.

– Как это было?

– Я объявил о прибытии поезда в Ротозеево и хотел проколоть ему билет. Открываю дверь – и нате вам...

– Где он сел?

– На предыдущей станции, в Володарах.

– Ротозеево – это последняя станция перед Нижним?

– Да.

– Он ехал один?

– Один.

– И в купе был один?

– Точно так.

– Он ехал до Нижнего Новгорода?
– Думаю, да.
– Почему вы так думаете?
– Потому что от Володарова до Ротозеева дешевле и быстрее доехать на лошадях.
– А кто еще сел в поезд в Володарях?
– В мой вагон никто.
– Значит, билета вы у него не отбирали?
– Нет.
– А где тогда его билет?
– Не могу знать...
– Странно, – снова повторил Аристов и пристально посмотрел на кондуктора. – Человек едет во втором классе, а у него нет ни билета, ни багажа, ни часов, ни портмоне, ни даже носового платка.
– Погодите-ка, багаж у него был, – встрепнулся Крохов.
– Да что вы? – не без сарказма спросил Артемий Платонович.
– Ей-богу, – округлил глаза кондуктор, начинающий понимать, что вокруг него почему-то сгущаются тучи. – Такая большая дорожная сумка с лямками через плечо.
– И куда ж она делась? – спросил Аристов, посмотрев почему-то на обер-кондуктора, ответившего ему тревожным взглядом.
– Не могу знать, – тихо ответил Крохов, и краска залила его лицо и уши. – Но я не брал. Я вообще покойников боюсь...
– У вас есть служебное купе? – быстро спросил Аристов.
– Имеется, – ответил Крохов.
– И вы, надо думать, весь путь от Володарова до Ротозеева находились в нем?
– Да. Как только тронулся поезд, я зашел в свое купе и вышел, когда мы стали подходить к Ротозееву.
– И, конечно, не видели и не слышали, входил ли кто в купе к покойному.
– Да, – опустил пылающее лицо Крохов. – Я же был в своем купе.
– Вы позволите взглянуть?
– Идемте, – убито кивнул кондуктор, понимая, что для него начинается череда неприятностей, и поплелся в начало коридора. – Оно в начале вагона.
Сумки в купе не было. Как не было и признаков чужих портмоне, носовых платков, часов и прочей галантереи.
– Скажите, Крохов, а кто еще едет в вашем вагоне? – спросил Аристов, закончив осмотр нехитрой обстановки купе.
– Пассажиров немного, – начал кондуктор. – Лето, все на дачах... Ну, значит, следующее двухместное купе сразу за моим свободно. Во втором, четырехместном, едет престарелая дама с внуком. В третьем – господин с докторским саквояжем, верно, лекарь. Четвертое свободно, в пятом – трое студентов, шестое, обратно, свободно, в седьмом – мертвый господин, в восьмом... А из восьмого пассажиры сошли еще на Красной Горке.
– Понятно. Ключи от купе у вас с собой?
– Разумеется.
– Пойдемте, поглядим на пассажиров...
Из второго купе доносился храп. Так обычно храпят извозчики, сделавшие за день немалые концы и махнувшие перед сном полштофа очищенной. Но данные звуки исходили из открытого настежь беззубого рта сухонькой старушки, про которую и подумать было нельзя, что она способна выводить такие разухабистые молодецкие рулады. На соседнем диване, весьма скромно, спал на боку внучок лет десяти, и струйка слюны стекала из уголка его губ на подушку.

А вот третье купе было открыто и пусто.

– Где же доктор? – тревожно спросил Артемий Платонович.

– Верно, слез, – нетвердо ответил Крохов.

– Так вы что, не знаете, кто сошел в Ротозееве? – спросил Аристов уже с некоторым раздражением.

– Я был отвлечен покойником, – глядя мимо него, растерянно ответил кондуктор.

– Ладно, пошли дальше.

Студенты из пятого купе были на месте и спали так крепко, что их бы не разбудил и револьверный выстрел. Впрочем, это объяснялось просто: все они были пьяны, и бутылок семь малаги валялось прямо на коврик под столом. А дальше находилось купе с покойником.

– Ну, что нам делать, ваше благородие? – спросил Степан, заглядывая в глаза Артемию Платоновичу. – Он, покойник-то этот, сам помер или ему помог кто?

– Может, сам, а может, и помогли. Кто-то ведь был в его купе и взял его вещи... Одно я знаю точно: надо звать доктора и пристава.

– Понял, – кивнул обер-кондуктор и обернулся к Федору. – Слышал, что сказали их благородие? Дуй к смотрителю, пусть ведет сюда доктора и пристава. Ну, или кого найдут.

– Вы что, думаете, это Крохов вещи у покойника спер? – спросил Аристов Степан, когда кондуктор покинул вагон.

– А вы его давно знаете? – не счел нужным отвечать Артемий Платонович.

– С полгода будет. Мужик он семейный, ни в чем таком замечен не был...

– А где он живет?

– В Нижнем. Вы все-таки думаете, что это убийство?

– Не знаю. Надо установить личность умершего. И тут кто-то сильно постарался, чтобы этого не допустить.

– Ну, уж это никак не Федор, – уверенно сказал Степан. – Ему до таких тонкостей просто не додуматься.

– Может быть, – раздумчиво ответил Артемий Платонович. – А может, он был орудием в чьих-то опытных руках.

– Так, что здесь происходит? – послышался дребезжащий голос, и к открытым дверям купе подошли сморщенный старичок с орденом Владимира в петлице и станционный смотритель. – Почему задерживается поезд?

– Я же вам говорил, – заметил ему сзади смотритель, на что старичок никак не среагировал.

– Что происходит, я спрашиваю?

– Человек умер, – громко ответил Аристов.

– Ась?

– Человек умер! – крикнул ему в самое ухо Артемий Платонович, догадавшись, что старичок крепко туг на ухо.

– Кто таков?

– Неизвестно. При нем не обнаружено никаких документов.

– Я спрашиваю, вы кто такой?

– Отставной штабс-ротмистр Аристов.

– Ась?

– Я – Аристов, отставной штабс-ротмистр, – заорал на весь вагон Артемий Платонович. – Следую до Нижнего Новгорода из Москвы.

– Чего так орать, слышу я... Непременный заседатель Земского суда коллежский секретарь Коробко Иван Логинович, – представился старичок. – Что случилось?

– В этом вагоне человек умер, – прокричал Аристов.

– Кто?

– Личность установить не удалось. Его документы и личные вещи отсутствуют. Думаю, что их похитили.

– Вот как? – произнес старичок. – И что вы намерены предпринять?

– Я? – удивился Аристов. – Я рассчитывал, что надо сообщить исправнику, чтобы тот провел предварительное дознание.

– Исправник в Нижнем Новгороде.

– Ну, тогда становому приставу.

– Квартира станового в Володарях, – снова парировал старичок. – А здесь, в Ротозееве, никого нет.

– А вы? – вполне резонно полюбопытствовал Артемий Платонович.

– А у меня нет полномочий проводить дознание, – ласково улыбнулся старичок.

– Так что же, выходит, покойника в Нижний везти? – догадался Аристов, к чему клонит старичок.

– А вот это правильно, – улыбнулся владимирский кавалер. – Будет лучше всего, ежели вы немедленно последуете дальше, чтобы полиция Нижнего Новгорода как можно скорее могла приняться за розыски преступников.

– Вас понял, – хмыкнул отставной штабс-ротмистр. – С глаз долой, из сердца вон.

– Чего, сударь?

– Я говорю: вы очень рассудительны и мудры, господин Коробко.

– Благодарю вас, – ухмыльнулся старичок. – Засим позвольте откланяться и отбыть, так сказать, в свои палестины. У меня, знаете ли, тут дачка.

Смотритель, проводив неперменного заседателя, вернулся в вагон. Но сказать, подпустив строгости в голосе, заготовленную фразу о немедленной отправке поезда, ему не дал высокий крепкий господин с кустистыми бровями, что представился заседателю отставным штабс-ротмистром Аристовым. Ибо он тотчас обрушил на смотрителя шквал вопросов.

– Вы встречали поезд?

– Да, – ответил смотритель.

– Вы видели сошедших с поезда?

– Да.

– Сколько их было?

– Четверо.

– Кто-нибудь из них вам знаком?

– Да. Один из них был земский лекарь господин Погодин.

– У него были с собой вещи?

– Докторский саквояж.

– Хорошо. А остальные?

– Остальные мне неизвестны.

– Их кто-нибудь встречал?

– Только одного. Молодого человека, дворянина, с военной выправкой. Его ждала бричка.

– У него был багаж?

– Два дорожных чемодана.

– Чемодана? Не сумки, не баула?

– Нет. Именно чемодана.

– Благодарю вас. А остальные двое? Они были порознь, вместе?

– Кажется, вместе.

– У них был багаж?

– Да, сумка.

– Такая большая, дорожная, что носят через плечо?

- Нет. Их сумка была похожа на курьерскую.
- Что вы еще можете о них сказать?
- Ну, один выше, другой ниже. Один постарше, другой помоложе.
- И все? – уныло спросил Артемий Платонович.
- Все.
- Что ж, благодарю вас.
- Теперь я могу отправлять поезд?
- Простите, но мы ждем врача. А вот, кажется, и он.

Все посмотрели в конец коридора, по которому шли Крохов, человек с докторским сак-вождем в руках и еще одна неизвестная фигура в светлой фетровой шляпе. Откуда взялась сия фигура, никто не знал, но выяснилось это весьма скоро. Человек в шляпе, представившись Арсением Постновым, репортером «Нижегородского листка», тотчас стал всюду совать свой нос и задавать вопросы. Артемий Платонович с репортерской братией был немного знаком, посему держаться с сей фигурой решил аккуратно и осторожно.

Постнов ехал из Владимира третьим классом и проснулся пред самым Ротозеевом. Удивившись столь долгой стоянке поезда на захудалой станции, он решил выяснить, в чем дело, и столкнулся с Кроховым, возвращающимся к поезду вместе с лекарем. Через пару-тройку вопросов, ловко заданных кондуктору, Постнов уже знал, что в желтом вагоне умер пассажир и при нем не было обнаружено никаких документов, удостоверяющих его личность. Нюх газетчика подсказал ему, что из этого события можно будет сварганить захватывающий матерьялец, и он проник в вагон вместе с кондуктором и лекарем.

- Вы врач? – официальным тоном спросил Аристов, когда сия троица подошла к купе.
- Я покуда только земский лекарь, – устало ответил Погодин.
- Вы ехали в этом вагоне?
- Ну конечно.
- Вы не знаете, кто этот господин? – указав на покойника, спросил Артемий Платонович.
- Нет, не знаю. Кажется, он сел на поезд в Володарах.
- Почему вы так думаете? – быстро спросил его Аристов.
- Когда была остановка в Володарах, кто-то прошел мимо моего купе, задев, очевидно, своим багажом мою дверь. А потом послышался звук открываемой двери.
- Это я ему открыл дверь, – встрял Крохов.
- И больше вы ничего не слышали? Никто не ходил по вагону, не открывал дверей?
- Трудно сказать, я как-то не прислушивался, – пожал лекарь плечами. – Кажется, незадолго до того, как кондуктор объявил о прибытии поезда в Ротозеево, послышался какой-то неясный шум. Но что это было, я не могу сказать наверняка.
- Благодарю вас, – задумчиво кивнул отставной штабс-ротмистр. – Кондуктор, верно, поставил вас в известность, зачем вы нам понадобились?
- Да, осмотреть труп.
- Тогда прошу вас.
- Простите, но вы, похоже, ведете настоящее дознание, – обратился к Аристову репортер, когда лекарь прошел в купе. – Разве этот пассажир не просто умер?
- Так всегда положено делать, когда обнаруживается мертвое тело, – нехотя ответил Артемий Платонович.
- Но вы ведь не полицейский, нет?
- Нет. Меня просто попросили помочь.
- А вы не могли бы назвать себя? – продолжал допытываться Постнов.
- Не вижу в этом необходимости, – не очень дружелюбно ответил Аристов.
- Вы меня интригуете, – с большим любопытством посмотрел на Артемия Платоновича репортер. – Я ведь все равно узнаю.

– Не сомневаюсь, – вздохнул отставной штабс-ротмистр. – Моя фамилия Аристов. Надеюсь, вам этого достаточно?

– Более чем! – с восторгом воскликнул Постнов. – Как же я сам не догадался, что это вы, разгадчик самых запутанных дел, знаменитый частный сыщик! Я столько о вас слышал! Боже мой, сам Артемий Платонович Аристов! Тогда понятно, почему пригласили именно вас. Выходит, человек в купе умер не собственной смертью?

– Почему вы так решили? – недовольно спросил Аристов.

– Потому что, если бы пассажир просто умер, зачем тогда нужны вы?

– Вы делаете преждевременные выводы, – заметил репортеру отставной штабс-ротмистр. – Ситуацию может разъяснить только вскрытие.

– Ага, значит, вскрытие все же будет? А разве необходимо вскрытие покойников, умерших своей смертью?

– Внезапно умерших – да, – ответил Аристов и сухо добавил: – На этом вечер вопросов и ответов, полагаю, можно считать законченным...

– погодите, еще один вопрос, – умоляюще глянул на Аристова Постнов. – Если вскрытие покажет, что это убийство, дело будете вести вы?

– С какой это стати? – буркнул Артемий Платонович. – Я ведь не служу в полиции.

Он облегченно вздохнул, когда лекарь пригласил его в купе и прикрыл за ним дверь.

– Ну, что скажете, господин Погодин?

– Никаких явных признаков насильственной смерти, – ответил лекарь. – На отравление тоже не похоже. Скорее всего, этот господин умер сам, без посторонней помощи, от апоплексического удара. Внезапное кровоизлияние в мозг – и все. Впрочем, более ясную картину даст только вскрытие.

– А отчего могло произойти это кровоизлияние?

– Отчего угодно. погодите-ка... – наклонился лекарь к ладони покойного. – Это что такое?

– Где? – спросил Аристов.

– Да вот, какое-то покраснение на его левой руке. Похоже на ожог. Видите?

– Вижу, – ответил Артемий Платонович, заметив меж большим и указательным пальцами тыльной стороны ладони покойника небольшое красное пятнышко.

– Впрочем, от таких ожогов кровоизлияний не бывает, – выпрямился лекарь. – Простите, я могу идти? А то я немного устал с дороги.

– Да, конечно. Только... позвольте несколько вопросов?

– Слушаю вас, – без особой охоты отозвался лекарь.

– Скажите, с вами сошли еще трое пассажиров. Кто-нибудь из них вам знаком?

– Только один. Молодой барон Дагер, сын уездного начальника внутренней стражи – Андрея Андреевича. Его ждала бричка, и он сразу укатил в отцово имение.

– А двое других?

Лекарь пожал плечами:

– Я никогда их не видел. Они не местные.

– Вы можете их описать?

– Трудная задача, – задумчиво ответил лекарь. – Ведь было довольно темно. Могу только сказать, что тот, который был меньше ростом, вероятно, моложе другого. И он был в мягкой пуховой шляпе.

– И куда они пошли?

– Не могу знать. Какое-то время я шел за ними, а потом молодой остановился прикурить папиросу, высокий замедлил шаг, и я их обошел. Однако мне кажется, что они пошли вдоль насыпи.

– Почему вы так думаете? – насторожился Артемий Платонович.

– Какое-то время я слышал, как хрустит гравий у них под ногами, – пояснил Погодин.

– Благодарю вас, – дружелюбно сказал Артемий Платонович и протянул лекарю руку. –

Может статься, то, что вы сейчас сказали, – самое важное из всего, что тут было говорено...

Лекарь пожал его руку, откланялся и вышел из купе. Немного погодя вышел и Аристов.

– Ну, что там? – подался к нему Постнов.

– Ничего. Никаких признаков насильственной смерти. Этот человек умер от естественных причин. Вы, кажется, разочарованы?

– Да не так чтобы очень, – досадливо поморщился репортер. – В конце концов точки над *i* расставит вскрытие. Ведь так?

Артемий Платонович колюче посмотрел на него, молча обошел и приблизился к Степану.

– Ну что, мы сделали все, что смогли. Мне кажется, можно ехать дальше.

– Понял, – повеселел обер-кондуктор. – Ну, что встали? – гаркнул он на заскучавших кондукторов. – А ну по своим вагонам! Сей час отправляемся.

Через малое время локомотив медленно тронулся, испуская густые клубы дыма. Небольшой дымок струился и из одного приоткрытого окна синего вагона, за которым курил короткую трубку с гнутым мундштуком отставной штабс-ротмистр с весьма распространенной дворянской фамилией Аристов, коего роду только в одной Средневожской губернии насчитывалось более шести десятков душ. Ну а уж по всей России – и не счесть.

Таковая уж была у него фамилия...

Глава 2 В ЗАМКЕ ДАГЕРА

Она действительно была похожа на замок – родовая усадьба баронов Дагеров, что находилась в двух верстах от Ротозеева близ деревни Березовки. Когда-то это имение с деревенькой, рощей и лугами было пожаловано императрицей Екатериной Алексеевной гвардии прапорщику барону Андрею Карловичу Дагеру вместе с чином подпоручика за участие в возведении ее на престол российский. И барон, выйдя в отставку, выстроил себе усадьбу по проекту, как гласило фамильное предание, самого Антонио Ринальди. Центральная часть дома была двухэтажной, на высоком цоколе, сложенном из белого камня-известняка. По второму этажу шла обходная галерея с зубчатым парапетом в половину человеческого роста с четырьмя башенками со шпилями по углам. Впечатление Средневековья усиливал бельведер в виде остроконечной башни, как бы прокалывающей крышу дома и устремляющейся в небо.

Барский дом соединялся с боковыми каменными же флигелями полуциркульными галереями, образуя в плане подкову. Лестничные спуски галерей сторожили мраморные львы. Полукруглый двор оканчивался фруктовым садом с оранжереями, цветочными куртинами, беседками и прудом. Выпуклая же часть «подковы» смотрела прямо на долину Оки, широкой и величавой в этом месте. К ней шла одна из аллей великолепного парка, разбитого вокруг усадебного дома, оканчивающаяся мраморными ступенями, ведущими прямо к речным купальням. Другая аллея из вековых дубов вела в Березовку, откуда по старой памяти шли в усадьбу крестьянские подводы с провизией, которую ныне приходилось покупать за живые денежки.

Внутри барский дом был не менее величав. Несколько зал: Белая, Портретная, Большая и Розовая гостиные готовы были поспорить богатством убранства и вкусом со знаменитым имением князей Голицыных «Марьино». Особой же гордостью хозяина усадьбы отставного гвардии майора Андрея Андреевича Дагера был Готический кабинет с лепным потолком, резной ореховой дерева дверью, венской мебелью лучших мастеров, желтым сандаловым паркетом под ручной работы персидскими коврами и, конечно, готическим камином, от коего кабинет и получил название. Одно беспокоило барона: с каждым годом становилось все труднее и труднее содержать такое имение. Выкупные капиталы после крестьянской реформы таяли с каждым днем, пенсия в двести рублей в год, конечно, был мизер, да служба обоих сынов в гвардии требовала весьма и весьма немалых средств. Известное дело, куда уходит жалованье гвардейских офицеров: на букеты дамам, императрице и великим князьям, подарки товарищам да на пирушки в офицерском собрании. А ведь ежели ты гвардейский офицер, то положено тебе иметь и собственный выезд, и квартиру не иначе как на Миллионной, Набережной Фонтанки или Морской. И даже в театре надлежит тебе пребывать либо в ложе, либо в первом ряду партера...

Особенно докучал расходами младший из сыновей, Михаил, служивший в чине подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка в одной роте с двумя великими князьями. Депеша от него с просьбами выслать деньги следовали одна за другой. А в конце прошлого года очередная его просьба выслать ни много ни мало пятнадцать тысяч рублей едва не разорила семью. Случилось так, что Михаил выступил поручителем за своего полкового товарища, наделавшего долгов и попавшего в лапы ростовщиков. Товарищ этот, потеряв всякую надежду выпутаться из ситуации, взял да и пустил себе пулю в лоб. И должником вместо него стал Михаил. Поскольку дело шло о фамильной чести, Андрей Андреевич нашел для сына эти пятнадцать тысяч, но сей непредвиденный расход крепко пошатнул весь бюджет семьи. Барон был вынужден вновь вступить в службу по военному ведомству, приняв на себя должность уездного начальника внутренней стражи. Жалованье было небольшим, но все же как-то выручало.

Многие из соседей-помещиков заложили свои имения в Земельном банке. Кое-кто уже и перезаложил. Барон Дагер же хотел передать сыновьям родовое имение чистым, без долгов, таким, какое и сам принял от своего отца, генерал-майора Андрея Александровича Дагера, кавалера ордена Белого Орла. Но без каких-либо потерь сделать это было практически невозможно, что и втолковывал ему коммерции советник, заводчик и первой гильдии купец Гордей Иванович Каменев, коего барон принимал в своем Готическом кабинете.

– Да поймите же, дорогой Андрей Андреевич, – говорил Гордей Иванович тоном, скорее уместным для малого дитяти, нежели для пятидесятипятiletнего майора, ветерана Крымской войны, – не зла же я вам, в конце концов, желаю. В вашей ситуации это единственный выход сохранить имение. Да и какая теперь в Охотничьей роще охота! «Железка» все зверье распугала! На кого теперь охотиться прикажете, на зайцев?

– Ну, стало быть, буду охотиться на зайцев, – стойко сопротивлялся барон. – Чем тебе не охота?

– Время ныне другое! – упрямо продолжал гнуть свое купец. – Теперь земля доход должна приносить, а не убытки. Вам это любой скажет.

– Да ведь продай я вам рощу, вы ее частями под дачные участки распродадите, – начинал кипятиться Андрей Андреевич. – И не станет рощи. А в ней и отец мой, и дед, и прадед и волка, и лисицу били, а первый из русских баронов Дагер даже на медведя ходил!

– Да нет там теперь ни медведей, ни волков. А что касемо рощи, то я и не скрываю, что желаю продать ее под дачные участки.

– Ну вот! – воскликнул барон. – Что и требовалось доказать. Нет, сударь, не уговаривайте. Не продам я вам эту рощу.

– Ну хорошо, не продавайте, – отступил на заранее подготовленные позиции купец. – Тогда сдайте в аренду. Я разобью рощу на участки, и мы будем сдавать их дачникам. Вот вам и ежегодный ритмический доход!

– Но рощи-то все равно не станет?!

– Ну, вы, Андрей Андреевич, прямо как малое дитя. Неужели вы не понимаете, что в вашем положении это выход?

– Да все я понимаю, – вздохнул барон. – И поверьте, я даже благодарен вам за ваши предложения, потому как вижу, что не только корысть движет вами, но и участие. Но, простите, не могу.

– Ну, коли так, – поджал губы купец, – воля, конечно, ваша. Тогда хоть обещайте, что ежели надумаете все же продавать рощу, то дадите знать мне первому.

– Это я могу вам обещать, – протянул руку купцу барон. – Можете не сомневаться.

Из кабинета Андрей Андреевич вышел в глубокой задумчивости. Может, все-таки прав купец, и продать Охотничью рощу – лучший выход поправить дела замка?

В Розовой гостиной он едва не столкнулся с племянницей. Десять лет назад он, после смерти сестры, стал опекуном девочки и, конечно, взял ее к себе в замок. Из малого дитя она на его глазах превратилась в прелестную девушку, хрупкую и добрую до самопожертвования, что немало беспокоило дядю. Собственно, это на ней лежали все заботы о хозяйстве усадьбы, и, надо заметить, справлялась она с этим отменно.

– Что с тобой, дядя? – озабоченно спросила Вера.

– Ничего, дитя мое, все в полном порядке.

– Ты меня обманываешь, – пытаюсь заглянуть в его глаза, промолвила Вера. – Думаешь, я не вижу, что ты чем-то озабочен? Если у тебя неприятности, почему ты не хочешь довериться мне? Разве я не заслужила права разделять твои заботы?

– Конечно, заслужила, – улыбнулся барон. – Но поверь, ничего такого не произошло. Во всяком случае, пока.

– Ах, пока, – поджала губки Вера. – Надеюсь, когда наступит это «пока», ты поведишься со мной?

– Не обижайся. Ты ведь знаешь, бывают обстоятельства, о которых, при всем моем желании, я не могу говорить с тобой.

– Неправда. Не знаю я никаких «таких» обстоятельств. Но догадываюсь, что это связано с деньгами. Ведь так?

– Ну...

– В таком случае я тебе уже говорила: ты вполне свободно можешь распоряжаться моим состоянием, что осталось мне от мамы.

– Я не вправе трогать твои деньги. Да и ты тоже.

– Но если это необходимо?

– Даже если и необходимо. Я должен решить свои проблемы сам.

– Ага, вот ты и попался. Значит, все же есть проблемы? А ну-ка, давай говори!

Она отступила на шаг, сложила руки на груди и устремила на дядю требовательный взгляд своих больших карих глаз. Теперь она мало походила на подростка, и сквозь ее пока еще девически-угловатые формы явно проступала женщина, которая скоро будет знать себе цену. Барона выручило только то, что в гостиную вошел камердинер и подал ему телеграмму.

– Что там? – с тревогой спросила Вера, когда дядя прочел телеграмму и нахмурил брови. В ответ барон молча передал ей листок. Девушка быстро прочитала две строчки и не смогла сдержать радостного возгласа.

– Не пойму, чему ты радуешься, – хмуро произнес Андрей Андреевич. – Три месяца не минуло, как Михаил был в отпуске, и вот на тебе: «Приезжаю ночным поездом. Прошу выслать экипаж». Это что, вторичный отпуск? Так его без важной причины не дают.

– Ты думаешь, у Мишеля неприятности? – спросила Вера, кляня себя за то, что выказала дяде свою радость. Ведь молодой девушке, начавшей выезжать в свет, не к лицу такая непосредственность. Свет требует *non seulement tre, mais paraître* – не только быть, но и казаться...

– Вне всяческого сомнения, – пробурчал барон, хмуря седые кустистые брови, – это уж будь уверена. К сожалению, ничего иного от него ожидать не приходится.

– Дядя, ты несправедлив к Мишелю. Он хороший и добрый.

– Милая девочка, – с любовью и благодарностью посмотрел на нее барон. – Как раз хорошие и добрые и делают в жизни самые большие глупости.

– А я думаю, все будет хорошо. Если и случилась какая неприятность, то маленькая. Вот такусенькая, – вытянула она большой и указательный пальцы и почти свела их вместе. – Ведь случись большая неприятность, он бы обязательно об этом телеграфировал.

– Пожалуй, – решил согласиться с племянницей Андрей Андреевич. – Будем надеяться, что ничего худого не случилось. Да, будь добра, скажи Ивану, чтобы к ночи выехал в Ротозеево встречать Михаила. Пусть возьмет охотничью бричку.

Ужинали дядя с племянницей без всякого желания. Дядя – потому что не мог отогнать мысль о случившейся с сыном беде, а племянница – потому что ни о чем больше не могла думать, как о предстоящей завтра встрече с кузеном, самым прекрасном из людей, живущих на этой земле.

Глава 3

ДОРОЖНАЯ СУМКА

– Не понимаю, что вас так беспокоит в этом деле, – поднялся с кресел нижегородский полицмейстер Лаппо-Сторожевский и зашагал по кабинету, потянув за собой дымок дорогой гаванской сигары. – Вскрытие трупа не показало совершенно никаких признаков насильственной смерти. Его не отравили, не задушили, не защекотали, наконец, до смерти. Человек умер сам. Ну, пришло его время. В чем же вы видите здесь криминал?

– Исчезла дорожная сумка, которую видел у него кондуктор, – возразил полицмейстеру Аристов. – Человек едет вторым классом, но у него нет ни багажа, ни билета, ни портмоне, ни часов, ни даже носового платка, наконец! Почему, как вы думаете?

– Батенька, помилуйте! – Густые брови полицмейстера протестующе вскинулись. – Причин этому может быть множество: потерял, выбросил, подарил, проиграл, заложил, пропил... в наше время это немудрено. Но я вижу, – снова выпустил облачко синеватого дыма полицмейстер, – у вас имеется собственная версия?

– Имеется, – согласился Артемий Платонович. – Посудите сами. Почему у него нет билета? Потому что он лежал в его портмоне. Почему нет портмоне? Потому что там еще лежали и документы, удостоверяющие его личность. Кто-то очень постарался, чтобы было трудно установить, что за пассажир умер в вагоне второго класса. У него не обнаружено часов, на крышке которых могла бы быть дарственная надпись, и носового платка, где наверняка имелись его инициалы. Почему нет этих вещей? Потому что их изъяли у покойника, дабы лишить вас всяческой зацепки быстро установить его личность. Если все это так, как я думаю, то смерть эта была неслучайной.

– А вот это уже лишь ваши домыслы, – перебил Аристов Лаппо-Сторожевский. – Делать такие предположения исходя только из того, что покойника кто-то обокрал, по крайней мере легкомысленно.

– Может быть, – ответил Артемий Платонович тоном, мало похожим на то, что он разделял мнение полицмейстера. – Но вы только что признали, что этого человека обокрали. То есть было совершено преступление, требующее проведения следственных действий.

– И они, несомненно, будут предприняты, – заверил отставного штабс-ротмистра Лаппо-Сторожевский. – Мы как следует пораспрашиваем поездных кондукторов. Не иначе как это они обчистили покойника.

– Это только одна из версий, – заметил Артемий Платонович. – Мне думается, преступники, взяв личные вещи умершего, дорожную сумку выбросили в окно купе. Оно было открыто, когда обнаружился труп. Сумка была слишком большой и заметной.

– Вероятно. – Полицмейстеру ничего не оставалось делать, как согласиться. – Но почему «преступники»?

– Я полагаю, что их было двое. Выбросив сумку в окно недалеко от Ротозеева, они сошли на этой станции и пошли вдоль железнодорожного полотна назад, чтобы отыскать выброшенную сумку. Надо думать, что в ней находилось нечто, из-за чего и было предпринято посещение купе покойника. Или еще не покойника.

– Ну, опять вы все усложняете, батенька, – всплеснул руками полицмейстер.

– Ничуть. Случилось так, что я оказался рядом и был вынужден провести предварительное дознание, которое подтверждает сказанные здесь мною слова. Если вы сочтете необходимым, я могу изложить письменно все, что мне удалось узнать.

– Полагаю, в этом нет надобности, – произнес после короткого раздумья полицмейстер. – Ведь вы же частное лицо.

– Я уже говорил вам, что попал в эту ситуацию с самого начала. Я, как бы вам это доходчивее сказать, уже внутри ее. Если бы меня не позвали к покойнику, то меня бы не было и у вас. Ну, помер человек в одном из вагонов поезда, так и бог с ним. Но случилось так, как случилось, и я уже не могу оставаться сторонним наблюдателем. Кроме того, насколько мне известно, полицией только приветствуется оказание ей содействия в делах следствия частными лицами.

– С вами трудно спорить, – ухмыльнулся Лаппо-Сторожевский. – Конечно, мне известны ваши детективные способности, и отказаться от вашей помощи я просто не имею права. Так чего же вы хотите?

– В этом деле многое может прояснить установление личности покойного. Вы согласны? – спросил Аристов.

– Пожалуй.

– И первое, что надо сделать, это разослать в полицейские управления губерний уведомления об обнаружении в таком-то поезде трупа, с описанием его примет. И затребовать у них данные о пропавших и находящихся в розыске людях. Может статься, что нашего покойника уже ищут.

– Считайте, что это уже сделано, – твердо заверил неуступчивого собеседника Лаппо-Сторожевский.

– Я собираюсь вернуться в Ротозеево, чтобы поискать эту сумку...

– А вот это напрасно, господин Аристов, – перебил его полицмейстер. – Если все было так, как вы мне изложили, сумки давно уже нет.

– ...или следы преступников, – как ни в чем не бывало продолжал Артемий Платонович. – И я прошу дать мне в помощь одного человека.

– Только одного? – даже не пытаясь скрыть облегчения, спросил полицмейстер.

– Да, одного. Но, если можно, потолковей.

– Когда вы намерены вернуться в Ротозеево? – немного подумав, спросил Лаппо-Сторожевский.

– Прямо сейчас, – констатировал Аристов.

– Хорошо. Соколовский! – гаркнул полицмейстер так, что тренькнули стекла в кабинете, а император Александр Николаевич, изображенный в полный рост на картине, висевшей за спиной полицмейстера, как показалось отставному штабс-ротмистру, испуганно сморгнул.

– Слушаю вас, – просунулась в дверной проем голова канцелярского секретаря.

– Следственного пристава Обличайло ко мне. Живо!

Через малое время в кабинет вошел молодой человек годов двадцати пяти, с лихо закрученными усами, бронзовой медалью в память Крымской войны на груди и спокойным взглядом серо-голубых глаз.

– Титулярный советник Максим Станиславович Обличайло, – представил Аристову молодого человека полицмейстер. – Лучший, не для его ушей будет сказано, следственный пристав нашего управления. А это, – сделал он театральный жест рукой в сторону Артемия Платоновича, – господин Аристов. Он добровольно вызвался помочь нам по делу о покойнике из желтого вагона. Сейчас вы едете с ним в Ротозеево. Возьмите коляску моего помощника. А суть дела вам расскажет господин Аристов по дороге.

Днем Ротозеево выглядело не таким захолустным: торговые лавки в центре села; две пивных – одна у вокзала, другая – в том же центре, здесь же неподалеку трактир, постоянный двор и почтово-телеграфная контора. Одним словом, цивилизация.

Доехав до станции и велев извозчику дожидаться их на постоялом дворе, Аристов и Обличайло потопали обратно, держась левой стороны железной дороги.

– Вы идите по насыпи, а я пойду леском, параллельно вам, – наставительно сказал Артемий Платонович.

– Так что мы ищем?

– Мы ищем следы двух человек и место падения большой дорожной сумки, – уверенно сказал Аристов. – Если нам повезет и сумка при падении или ударе, скажем, о дерево, открылась и из нее выпали какие-либо предметы, ищите и эти предметы.

– А что это могут быть за предметы? – поинтересовался Обличайло.

– Не знаю, – честно ответил отставной штабс-ротмистр.

Конечно, на гравийной насыпи следов обнаружено не было. А вернее, как можно было принять за следы неровности и углубления, коими вдоль и поперек была испещрена насыпь? Но Обличайло все же обнаружил небольшую медную заклепку и недалеко от нее наполовину обгоревшую шведскую спичку.

Живо спустившись с насыпи, Обличайло протянул штабс-ротмистру найденные предметы:

– Как вы думаете, господин Аристов, эти предметы могут иметь отношение к тому, что мы ищем?

– Вполне, – повертел заклепку в руках Артемий Платонович. – Она могла отскочить от сумки, ведь скорость у поезда была немалая. А спичку эту могли зажечь те двое господ, следы коих мы ищем. Например, чтобы зажечь фонарь. Если это так, то место падения сумки где-то рядом. С этого момента прошу вас быть предельно внимательным.

Кто ищет – тот непременно находит. Сие правило еще не давало осечек, конечно, если ищешь с умом и настойчивостью. Вот и Артемию Платоновичу повезло – отыскался сломанный сук большой толстой сосны. Он лежал в двух шагах от дерева возле основательно примятой травы. А под листьями помятого кустика ежевики валялась еще одна медная заклепка.

– Максим Станиславович, спускайтесь сюда, – крикнул Аристов приставу, фланирующему по насыпи с видом заядлого грибника. И когда тот подошел, указал на примятую траву. – Вот место, куда упала дорожная сумка пассажира из желтого вагона. Она ударилась о дерево, сломала вот этот сук и упала в траву. Видите?

– Точно, – кивнул Обличайло, с восхищением глядя на Аристову.

– И еще я обнаружил вот это, – подал он приставу еще одну медную заклепку. – Она точно такая, что нашли вы.

– Выходит, преступники забрали сумку.

– Да. Они нашли ее ночью, при свете фонаря, который зажгли найденной вами шведской спичкой. Все именно так, как мы с вами и предполагали ранее.

– Вы предполагали, – вежливо поправил отставного штабс-ротмистра пристав.

– Но вы же со мной не спорили?

– Нет, не спорил. Я просто молчал.

– А молчание – знак согласия. Выходит, вы были согласны с моими предположениями, которые тотчас стали и вашими.

– Да, – засмеялся Обличайло, – вы умеете убеждать.

– Умею, – согласился с приставом Артемий Платонович. – Итак, ваши соображения?

– Преступники нашли сумку и забрали ее содержимое.

– А где сумка?

– Я думаю, что они ее просто спрятали. Тащить приметную сумку с собой им нет особой надобности, а потом, по сумке их могли опознать.

– Похвально. И как вы думаете, где они могли ее спрятать?

– Скорее всего, в лесу.

– Справедливо. Их следы надо искать в лесу... Так что на насыпи вам делать больше нечего.

Они отошли от сосны и стали пристально всматриваться в землю. На этом участке она была твердой и сплошь усыпанной сосновыми иглами. Никаких следов обнаружить не удалось. Зато когда сосновый перелесок кончился и они вошли в большую рощу, в примятой траве Обличайло нашел еще одну обгоревшую шведскую спичку.

– А вот и след! – указал Артемий Платонович на небольшое углубление в примятой траве. Вероятно, от каблука высокого. Похоже, молодой встал здесь, чтобы прикурить папиросу, и высокий остановился вместе с ним.

Аристов наклонился и потрогал землю.

– Влажная, – констатировал он, выпрямившись. – Следы должны быть неплохо заметны. И правда, по мере углубления в рощу следы становились все заметнее и четче.

– Вот прекрасный отпечаток ноги высокого, – заметил отставной штабс-ротмистр, остановившись. – Максим Станиславович, будьте добры, снимите мерку с этого следа... Ну, что вы можете сказать об этом господине?

– Я смею предположить, – записав размеры следа в памятную книжку, начал Обличайло, – что высокий много крупнее и, стало быть, тяжелее своего подельника. Ведь четкого следа второго, а он явно меньше и легче первого, мы покуда не имеем.

– Так, – согласился Аристов. – Еще что?

– Я обратил внимание на разную длину его шага.

– Та-ак, – уже удовлетворенно протянул отставной штабс-ротмистр, с удовольствием глядя на своего помощника. – И что вы скажете по этому поводу?

– Поскольку расстояние шага левой ногой заметно меньше, чем шаг правой, можно предположить, что левая нога у высокого несколько короче правой.

– Верно, – улыбнулся Артемий Платонович. – Вы знаете, я весьма доволен, что в помощь мне дали именно вас. Ну, или тем, что меня дали в помощь именно вам.

– Благодарю вас, – слегка смутился Обличайло.

– Не за что. А еще? – неожиданно спросил Аристов.

– Что «еще»? – не понял пристав.

– Что еще вы можете сказать о высоком?

– Пожалуй, больше ничего, – подумав, ответил пристав.

– Разная величина его шага может еще говорить о том, что он хромой. Вот вам еще одна возможная особая примета. Хотя, судя по шагу, он старается не показывать свою хромоту, а проявляется она у него в тот момент, когда он начинает торопиться.

– Мне все же далеко еще до вас, господин Аристов, – признался Обличайло.

– Не так далеко, как вам кажется...

Чем дальше они заходили в рощу, тем почва становилась все более мягкой и сырой. Наконец ясно обозначился и след второго. Он был много меньше и уже, чем у его спутника. Размеры этого следа пристав Обличайло тоже занес в свою памятную книжку. Следы привели сыщиков к небольшому озерцу, подернутому ряской. На его бережку была заметна примятая трава, а вокруг озера было множество следов.

– Кажется, я знаю, где они спрятали сумку, – сказал Артемий Платонович, поглядывая на озерцо. – Взять ее с собой было бы непрослительной глупостью. Она слишком заметна, ведь из леса они вышли, когда уже рассвело. Да, эти двое – калачи тертые. Зачем они сами на себя беду будут кликать? Значит...

– Значит, они бросили сумку в озеро, – закончил за отставного штабс-ротмистра пристав, проследивший за его взглядом и тоже догадавшийся о местонахождении сумки.

– Вот именно, – заключил Аристов.

– Что ж, попытаемся ее достать, – начал раздеваться Обличайло.

– Озеро может оказаться глубоким, – попытался было предостеречь своего молодого партнера Артемий Платонович.

– Ничего, я умею плавать, – разделся до исподнего пристав и стал медленно входить в воду.

Озеро было холодным – как-никак конец августа, – да еще со дна били ледяные ключи.

– Замерзли? – участливо спросил с берега Аристов, которого только от одного вида скужившегося Обличайло бил озноб.

– Пока терпимо, – едва попадая зуб на зуб, ответил пристав и решительно нырнул.

Прошла минута.

– Максим Станиславович! – крикнул отставной штабс-ротмистр в озеро, по поверхности которого медленно расходились круги. – Где вы?

Озеро молчало. И когда Артемий Платонович уже готов был сбросить башмаки и кинуться в воду, вдруг на поверхности воды появилась голова Обличайло.

– А вы были правы, – отфыркиваясь, прохрипел Аристову пристав. – Здесь и правда глубоко. Да и вода до мерзости холодная!

– Ну, вы меня напугали, – выдохнул Артемий Платонович, возвращаясь к своим башмакам.

– Да я и сам, знаете ли, испугался, – нервно хохотнул Обличайло. – Шел себе, шел, и вдруг раз! – и нет дна. Как в преисподнюю провалился.

Пристав Обличайло проплыл сажени две и встал на ноги. Воды ему было по грудь.

– Сейчас, Артемий Платонович, не беспокойтесь, – повернул он обратно и, набрав воздуха, нырнул.

Не было его примерно с четверть минуты. Когда он вынырнул, на бережку уже горел небольшой костерок, разведенный Аристовым из сухих сучьев.

– Кажется, есть! – победно крикнул Обличайло Артемию Платоновичу и, отдышавшись, нырнул снова.

На сей раз его не было более полуминуты. Аристов даже успел собрать еще сучьев и развести костер побольше, дабы, выйдя из воды, пристав смог бы обогреться и высушить исподники. Наконец появилась голова, плечи и грудь пристава. Он шел, отдуваясь и фыркая и волоча что-то за собой. Затем нагнулся и бросил к ногам отставного штабс-ротмистра большую дорожную сумку, замковая накладка которой держалась всего лишь на двух медных заклепках.

Глава 4

СВЯЗКА ПИСЕМ

Сенька проснулся примерно за час до рассвета. Встал, потянулся, разминая суставы, плеснул в опухшую рябую рожу горсть воды из кадки и взял лукошко, будто собирался по грибы. Ежели посмотреть, утром дел много: следовало снять силки, скотину проведать. Так что его подъему никто не удивится. Для домовитого хозяина заря – это золотая пора. Иначе те, кто раньше вышел, всю пеночку снимут. А коли припозднишься, так не только что все силки выберут, а еще и без снасти можно запросто остаться. Ныне народец пройдошливый пошел – чуть зазевался, с живого портки снимут. Ведь теперича народу – воля объявлена! Получается, делай, что в голову взбредет. И барин тебе отныне не указ, а так... дырка от бублика и от жилетки рукава. Хе-хе...

Правда, Охотничья роща барская. Но это с одной стороны. А с другой – вся живность в ней – твари Божии, то есть принадлежные всем, а, стало быть, ничьи. Да и за руку Сеньку никто еще не словил, так как непростое это дело такого молодца, как он, за виноватым делом споймать. Он осторожный, а рощу знает как свои пять пальцев. А не пойман – дело известное – не вор!

Пошарив в чугунке, Сенька нашел пару картофелин. Еще бы хлеба с солью, знатный бы вышел перекус. Но хлеба они с матерью не видели уже два дня, а соли в доме оставалась одна щепоть. Вот добудет он сегодня зайчишку ушастого – соль и стодится, потому как у зайчатины мясо сладковатое, без соли никак. Рябчика или глухаря без соли – можно, едали, но только не зайца.

Роща начиналась сразу за их хатой. Темная, густая, опасная. Заплутать в ней, что два пальца обмочить. Но только не для Сеньки. Ему-то здесь все тропы ведомы. Знает, где малиновые кусты, где места грибные, где поляны черничные. Летом они с матерью вдоволь с рощи кормятся.

Без отца вырос Сенька. Ушел как-то Василий Тимофеев на заработки в Нижний, да так и не вернулся. Правда, доходили до них слухи, что будто видели его то на ярманке Макарьевской, то в доме работном, куда собирают нищих да бродяг едва ли не со всей губернии, то среди бурлаков, да что от тех слухов толку! Человека-то как не было, так и нет. Мать все глаза выплакала, его ожидаючи. А потом смирилась с потерей. Доля, видать, у нее такая, вдовья. Или, как говорят баре, планида. А как смирилась, так и потухла. Всяческий интерес к жизни потеряла. Хозяйство запустила, опосля даже дом продала и подалась на высылки, куда раньше баре провинившуюся челядь свою ссылали. За полверсты от деревни. Так что Сеньке сизмальства пришлось самому обеспечивать и себя, и мать, и рос он, как трава в поле, – всякий наступит, всякий оборвет.

Умяв картофелины по дороге, Сенька одному ему ведомыми тропами шел по роще, как по улице деревенской. Небо светлело, и роща оживала, наполняясь задорным птичьим гомоном. Высоко над головой, сбросив ночную дрему, уже шептались верхушки деревьев.

Вначале Сенька почувствовал, что в лесу кто-то есть. Потом услышал приглушенный говор и шаги. Неизвестные приближались. Сенька присел на корточки за кустом и затаился. А потом увидел двоих. Тот, что был выше, нес большую раскрытую сумку. Они прошли мимо него так близко, что при желании он мог бы схватить долговязого за ноги. Или вдруг заорать неожиданно и громко. Надо признать, мелькнула такая мысль. Высокий схватился бы за сердце и встал как вкопанный. А тот, что поменьше, верно, уписался бы со страху. Как пить дать. А он бы между тем за сумку, да и деру! Никто бы его не поймал.

Когда они отошли от Сеньки сажени на четыре, он неслышно двинулся за ними. Что они пришли в рощу не за его добычей или силками – было ясно. Но тогда зачем они в этой глухомани?

– Долго мы еще будем идти? – спросил маленький недовольно.

Голос его был молодым и тонким, отчего Сенька решил, что тот ненамного старше его. Студент, верно, какой-нибудь. Или даже гимназист. Видывал он таких франтов в шляпах, когда вместе с Кузьмой ездил в Нижний. Барчук, одним словом.

– Сейчас, выйдем на какую-нибудь полянку и остановимся, – посмотрел на маленького высокий. Роду-племени был он поплосше, верно, из цеховых, и, по меркам Сеньки, уже старым, годов за тридцать перевалило. Но держался с барчуком ровней.

Так, двое неизвестных впереди, а Сенька чуть поодаль позади, вышли они к небольшому озерцу. Сенька спрятался в кустах, а большой и маленький присели на бережку и принялись разбирать содержимое сумки. Сеньку оно поначалу разочаровало. Стоило идти через лес, чтобы разбирать какие-то бумажки из дорожной сумки! Как будто нельзя было этого сделать дома или на постоялом дворе. Однако чуть позже он понял, что бумажки эти, видать, непростые, коли эти двое, чтобы посмотреть их, выбрали такое глуховатое место.

«Сперли, видать, где-то сумку», – решил для себя Сенька, раздвигая ветки. По всему выходило, что бумажки в ней важные и, может быть, стоят хороших денег.

Решение пришло сразу, как только эти двое стали ходить вокруг озера и собирать камни. Улучив момент, Сенька подполз к кипе бумаг, схватил первую попавшуюся пачку, перевязанную бечевой, и юркнул назад в кусты. А неизвестные, насобирав камней, сложили их в сумку, и большой, широко размахнувшись, забросил ее на самую середину озерца.

Стало совсем светло. Рассматривая бумаги, молодой вдруг заволновался, стал перекидывать их с места на место, как будто что-то потерял.

– Где письма? – спросил он большого тоненьким от волнения голосом.

– А я почем знаю? – ответил тот. – Может, вывалились, когда сумка ударилась о дерево. Мы же нашли ее открытой.

– Тогда мы немедленно возвращаемся, – безапелляционно заявил барчук. – Надо обязательно их найти.

– Вы с ума сошли, – сказал большой. – Уже утро. Будем маячить на насыпи – нас обязательно кто-нибудь да увидит: грибники, путевой обходчик или еще кто...

– Нам крайне необходимо найти эти письма, – настаивал на своем молодой. – Это очень важно. Из-за них, собственно, и весь, как у вас говорят, сыр-бор.

– Мы их поищем, – мягко ответил высоченный, погладив плечо барчука. – Но только ночью. Идемте отсюда...

Сенька за ними не пошел. Зачем? Ведь все уже было ясно: барчук и цеховой украли сумку, в которой было самое ценное – письма. И эти письма у него в руках. И за них он может выручить деньги. Большие. К примеру, восемьдесят рублей. Или даже двести. Ночью они станут искать эти письма и не найдут. А утром он найдет их.

«Я видел вас у насыпи этой ночью. Вы что-то там искали?» – начнет он.

«А тебе-то что за дело?» – спросит его долговязый.

«Да нет, я так, – скажет он. – Просто тут один парень какие-то письма нашел, целую связку. Не ее ли вы ищете?»

«Что за парень?»

«Да есть тут один, только не велел говорить».

«Значит, пусть отдаст нам эти письма».

«Он говорит, что запросто. Но только за деньги».

«Сколько же он хочет?»

«Двести, нет, триста рублей».

«Что так много?!»

«А он думает, что эти письма очень важные».

«Хорошо. Скажи ему, что мы согласны».

Вот как коммерция делается! Триста рублей – это вам не шутка! Скажем, средней руки чинуше, чтобы получить триста рублей, надо ходить на службу, почитай, с полгода. А какому-нибудь канцеляристу, так и вовсе года два. А тут за раз! А сколь всякого добра можно закупить на такие деньги! Сапоги гармошкой – это раз. Рубаху шелковую, плисовые штаны, бархатную жилетку с искрой, как у Кондрат Кондратыча, и картуз с лаковым козырьком – это два. Матери – кашемировую шаль и мягкие ботики – это три. Чай, еще и на хлебушек останется.

Силки оказались все пусты. Видать, не кушать им сегодня зайчатины ни с солью, ни без. Но Сенька расстроился не шибко: то, что он нес в руках, стоило дороже сотни ушастых зверьков.

Что же все-таки это за письма такие, из-за которых, как сказал давеча у озера молодой, и вышел «весь сыр-бор»?

Сенька присел на поваленное дерево, вынул из середины конверт плотной бумаги и достал из него сложенные пополам листы.

Na wiosne...¹

W roku przyszłym...²

Буквы были ненашенские, и Сенька, конечно, ничего не понял. Второе письмо тоже было на чужом языке. Дальше Сенька смотреть не стал; и так было ясно, что меньше чем за четыреста рублей он эти иноземные письма не отдаст. Только дельце это обтяпать надобно с умом, иначе, похоже, можно очень даже запросто попасть в переplet. Может, посоветоваться с Кузьмой? Парень он тертый, два раза в остроге сидел. Правда, придется взять его в долю, ну да ничего, Сенька поделится, не жадный. Даст ему в зубы красненькую – и гуляй, паря. Небось и этого с Кузьмы много будет...

Кузьма жил в центре Березовки с матерью, бабкой и шестью сестрами. Тоже безотцовщина, он был года на три старше Сеньки и успел дважды побывать в Нижегородском тюремном замке за мелкие кражи. По малолетству дали ему немного, четыре и восемь месяцев, но и этого ему хватило, чтобы занять воровскую сметку, наглость и научиться сплевывать через щербину зубов длинной струйкой.

Кузьма был в баньке, где обычно и ночевал, и когда Сенька осторожно намекнул ему о том, что имеет бумаги, которые можно прибыльно толкнуть, в чем и требуется его помощь, тот немедленно согласился.

– А сколь ты хошь выручить за эти бумаги? – сразу поинтересовался Кузьма.

– Пятьдесят рублей, – соврал Сенька.

– Не худо, – хмыкнул Кузьма. – А ежели поболее запросить? – вороватые глаза его слегка сощурились.

Сенька призадумался.

– Может, и можно, – осторожно ответил он. – Да только люди, что эти бумаги потеряли, думаю, не шибко богаты. Цеховой какой-то да мальчишка-гимназист. Откуда у них больше?

– Лады, – сплюнул Кузьма. – Моя доля?

– Червонец, – твердо ответил Сенька.

– Ну, это семечки, – сощурился Кузьма. – Я работаю в половину.

– За что же половину? – искренне удивился Сенька, уже жалея, что рассказал о письмах Кузьме. – Я эти бумаги сработал, я их буду торговать...

---

¹ Весной... (польск.).

² В будущем году... (польск.).

– Хорошо, не хошь делиться, встречайся с ними один, без меня. Только потом не жалься, когда цеховой тебя придавит и бумажки эти ты задарма ему отдашь. А так я за тобой приглядывать буду. И ежели что – я тут как тут со своим приятелем, – достал Кузьма из кармана складной ножик.

– Хорошо, – был вынужден согласиться Сенька. – Считай, четвертак твой.

– Ну и лады, – повеселел Кузьма. – Бумажки-то эти с собой у тебя?

– С собой, – ответил Сенька.

– А ну, покажь.

Сенька вытащил из-за пазухи пачку писем.

– Видал! – протянул он торжествующе.

– Давай у меня спрячем? – предложил Кузьма.

– Нет уж, – усмехнулся Сенька. – Я сам найду место.

– Тогда давай половину я спрячу, половину ты. Это будет по-честному, раз мы с тобой на пару работаем.

Сенька, помедлив, вытащил из пачки несколько писем и передал их Кузьме.

– Как понадобятся, сразу отдашь.

– Какие могут быть разговоры, – заверил его Кузьма. – Ведь мы же дружки.

– Ладно, пошел я, – сказал Сенька, пожимая приятелю руку. – Поди, мать уже заждалась.

Глава 5

ВЕРИНЫ ХЛОПОТЫ

В Березовку Вера смогла выбраться только после полудня. Собственно, сегодня можно было бы и пропустить посещение своих подопечных – приезд кузена и бессонная ночь служили бы вполне законным оправданием. Только не для Веры. Вот уже который год она почти каждый день ходила в деревню, дабы подать помощь больным и нуждающимся: первым она приносила лекарства и участие, вторым – пищу, немного денег и ласковое слово. Вот и сегодня, навестив двух больных, Вера отправилась на выселки к Марфе, матери Сеньки, которую посещала всякий раз, навещаясь в Березовку.

Покуда шла – думала о кузене. Как славно, что он приехал и теперь будет жить с ними! Как здорово, что случилась эта дуэль в их полку, на которой он был секундантом, после чего и был вынужден подать в отставку! Все равно не было в двоюродном братце военной косточки – это видела даже она, – а стало быть, его отставка есть благо для него же самого. Да и дяде теперь будет полегче. Он хоть и молчит, но она-то знает, почему он последнее время часто хмурится. Скорее бы ей достичь совершеннолетия и отдать ему матушкино наследство. Все, до последнего грошика. Ведь ей одной ничего не надо, кроме того, чтобы дядя был здоров и доволен.

Ну и, конечно, чтобы Мишель был рядом. . .

Избушка, где жили Марфа с сыном, была самой худой не только во всей деревне, но и на выселках. Не изба – хижина с покосившимися стенами, земляным полом и прохуdivшейся крышей. Когда Вера вошла в нее, Марфа сидела у окна, вперив в него неподвижный взор и беззвучно шевеля губами. Она бывала иногда такой, сама не своя, отчего бабы да и мужики обходили ее стороной, чувствуя перед ней какой-то суеверный страх.

– Здравствуй, Марфа, – вывела ее из оцепенения Вера.

– Батюшки, барынька! – радостно всплеснула руками Марфа, и взгляд ее сделался осмысленным. – А я уж думала, не придете.

Она встала и торопливо вытерла выцветшим фартуком лавку. В отличие от сына она была предана своей благодетельнице, ведь та приходила всегда с корзинкой с припасами, а иногда одаривала и полтинничком. Вот и на этот раз в корзине Веры лежал хлеб, мясо, яйца и кусок сырного пирога. Жадно поглядев на припасы, Марфа села рядом с Верой и уставилась на нее полными благодарности глазами.

– А где Семен? – как бы мимоходом спросила Вера.

– В деревню ушел, – с готовностью ответила Марфа.

– И по какой такой надобности? – строго спросила Вера. – Опять к этому своему скверному приятелю Кузьме, причинившему столько горя своим родителям?

– Ну, барынька, он уж не такой и скверный. На днях как-то вот колбаску мне принес.

– Где-нибудь украденную. Ведь я же тебе говорила, – сдвинула бровки Вера, – либо запрети Семену ходить к этому Кузьме, либо я перестану ходить к тебе.

– Он и не ходит, – испуганно ответила Марфа.

– Так ведь пошел же сегодня?

– Потому что он нашел кое-что. И пошел спросить совета.

– Конечно, только у этого Кузьмы и спрашивать советов, – пожала плечами Вера.

– Да уж находка-то больно странная.

– А что за находка?

– Связка писем, – тихо сказала Марфа, почему-то оглядевшись по углам. – Он их из лесу принес.

– А в лес-то зачем ходил? – встала с лавки Вера. – Капканы опять ставить?

- Что ты, барынька, – округлила глаза Марфа, махнув руками. – Он по грибы ходил.
- Ну и где те грибы? – с иронией спросила Вера.
- Грибов нету, – потухла глазами Марфа. – Так ведь потому и нету, что он какие-то письма нашел. Вот и пошел к Кузьме за советом, как лучше ентими письмами распорядиться.
- Почему же он не пришел за советом к дяде или ко мне? – нахмурила бровки Вера.
- Потому что он надеется, что те, кто потерял енти письма, дадут за них награду. Ведь не по-нашенски писано-то в них.
- Вот как? – подняла брови Вера. – В таком случае мы с дядей уж точно не оставили бы его без награды.
- Правда? – загорелась Марфа.
- Ты что, сомневаешься в моих словах? – удивленно спросила Вера. – Разве я когда-нибудь давала к этому повод?
- Нет, барынька, что вы, – испуганно пролепетала Марфа. – Это я так, по дурости своей бабьей.
- Вот что, – решительно сказала Вера, – я хочу видеть эти письма. Как только Семен вернется, пусть немедленно принесет их мне.
- Хорошо, барынька, – уверила Марфа. – Только вы уж это, не оставьте нас наградой-то.
- Сенька явился на следующее утро. Босой, но в чистой рубахе и стиранных портах. Чтобы угодить молодой барыне, он повязал шею цветастым бабьим платком, а волосы обильно смазал салом.
- Аудиенция состоялась в дальней садовой беседке. Решительный тон, принятый Верой для разговора с Сенькой, возымел действие: парень рассказал почти все, скрыв лишь некоторые детали.
- Ты принес письма? – перво-наперво спросила она.
- Принес, – ответил Сенька, доставая из-за пазухи связку писем.
- Хорошо. А теперь расскажи, где ты их нашел. И учти – твоя награда будет зависеть от того, насколько правдив будет твой рассказ.
- Я нашел их вчера в роще на рассвете, – осторожно начал Сенька. – Около озера.
- А зачем ты был в лесу в такую рань? – прищурила глаза Вера. – Опять ставил ловушки?
- Нет, я ходил по грибы.
- Учти, Семен, ежели ты не бросишь это свое занятие, то попадешь в каталажку, как этот твой дружок Кузьма. Разве ты не знаешь, что такая охота запрещена? Ведь это воровство! – возмущенно воскликнула Вера. – Эта роща моего дяди, а что ты видел от него, кроме добра?
- Роща барская, а дичь – Божья, – попытался было взбрыкнуть Сенька, малость насупившись, но Вера быстро его укоротила, сообщив о приезде кузена.
- Младшего Дагера Сенька боялся как огня, потому как не единожды был таскан Михаилом Андреевичем за вихры именно за ставленные силки и западни.
- Вот скажу ему, что ты снова за старое взялся, он тебе покажет, – как можно жестче произнесла Вера и посмотрела Сеньке прямо в глаза. – А я перестану заходить к вам и разговаривать с тобой и твоей матерью.
- Да, ей-богу, по грибы ходил, – сделал Сенька честные глаза и для пущей убедительности перекрестился. – Вот те крест, барыня!
- Ладно, оставим пока этот разговор, – чуть смягчилась Вера. – Теперь рассказывай, как это ты вдруг нашел эти письма.
- Ну, шел, шел и нашел, – нетвердо промолвил Сенька, глядя мимо барыньки.
- Не лги, – погрозила ему пальцем Вера. – Я тебя предупреждала, твое вознаграждение зависит от правдивости твоего рассказа. И к тому же у кого тогда ты намеревался получить вознаграждение за найденные письма? Матушка твоя мне все рассказала...

– Их было двое, – наконец сдался Сенька, выдохнув. – Лиц я их не разглядел, темно еще было. Один из них был высокий и постарше, другой, верно, молодой, хлипкий.

– А что эти двое делали ночью в лесу? – удивилась Вера.

– А я почему знаю? Они шли и разговаривали. Я услышал и пошел за ними.

– Зачем?

– Вы же, барышня, только что меня спросили, что эти двое делали на рассвете в лесу. Вот и мне тоже стало интересно, – нашелся что ответить Сенька.

– Ладно, продолжай.

– Ну, пошел, значит, я за ними. Дошли до озера. У них с собой сумка была большая. Они стали из нее вынимать какие-то бумаги. А в сумку наклали камней и бросили в озеро.

– Зачем? – снова спросила Вера.

– Да, видать, сперли они эту сумку. Вот и бросили ее в воду, чтобы следы замести, – резонно заключил парень.

– Да, это очень странно, – задумчиво произнесла Вера. – Ну а что было потом?

– Потом они ушли, а эту вот связку писем – забыли.

– Ох, Семен, – недоверчиво посмотрела на него Вера. – Правду ли ты мне говоришь?

– Правду, сущую правду, – заверил ее Сенька и для пущей убедительности вытаращил глаза.

– Хорошо, если так. Мне думается, эти письма надо вернуть их истинному владельцу.

– Где ж вы его найдете? – усмехнулся Сенька. – Даже тех двоих след давно простыл.

– Пока не знаю, – ответила Вера. – Так или иначе мне надо посоветоваться с дядей.

– А награда? – осторожно напомнил Сенька.

– А сколько ты хотел за них выручить?

– Пятьсот рублей, – не моргнув глазом, ответил начинающий коммерсант.

– Сколько, сколько? – рассмеялась Вера.

– Триста, – посмурнел парень.

– Удивляюсь я на тебя, Семен, – серьезно сказала Вера. – Разве можно требовать награды?

– Сто рублей, – уныло пробурчал Сенька. – Хотя бы. Тем более что половину я должен отдать Кузьме.

– Это почему же? – насторожилась Вера.

– Я ему все рассказал, и он потребовал половинную долю.

– Хорош же у тебя друг, – усмехнулась Вера. – Ладно, ступай. Мне надо сначала все обдумать и поговорить с дядей.

Сенька поклонился и вышел из беседки с понурым видом. Но глаза его светились лукавством. Теперь он уже не жалел, что поделился письмами с Кузьмой.

Вот оно, счастье одноглазое!

Глава 6

ВОТ ТАК ФОКУС

Покуда Обличайло сушился и грелся у костра, Артемий Платонович открыл найденную сумку и вывалил ее содержимое на землю. Камни, одни камни. Похоже, они имеют дело с опытными преступниками, и рассчитывать на то, что те легко сделают какую-либо ошибку, значило ничего не понимать в сыском деле. Все же Аристов внимательно осмотрел камни и заметил меж ними кусочек какой-то материи. Он наклонился и взял его в руки. А потом улыбка растянула его губы.

– Максим Станиславович! – сказал он и протянул материю пристава. – Взгляните-ка!

– Носовой платок, – констатировал Обличайло, расправляя клочок материи. – С инициалами! – воскликнул он, заметив в уголке платка две вышитые буквы: К. и М. – Вот удача!

– Да, пожалуй, – согласился отставной штабс-ротмистр, принимая из рук пристава платок. – Ежели это, конечно, начальные буквы имени покойного. Так или иначе об этом надо телеграфировать нижегородскому полицмейстеру.

– Выходит, смерть человека из желтого вагона все же не случайна? – спросил Обличайло.

– Я в этом не сомневаюсь, – заметил Артемий Платонович. – Главное теперь – установить его личность. Когда мы узнаем, что это был за человек, мы сможем выявить мотивы его устранения. А после этого и людей, заинтересованных в этом.

– Вы думаете, что этих двоих уже и след простыл? – спросил пристав.

– Да-с, милейший. Они сделали свое дело и теперь, верно, трясутся в коляске по дороге в Нижний. А то и в Ковров! Или еще куда-нибудь. Что же касается следов, – раздумчиво произнес Артемий Платонович и указал на землю, – то вот они. Гляньте!

Действительно, две пары следов вели от озера обратно по направлению к железнодорожной насыпи. Шли они параллельно первым следам и потерялись в сосновом леске совсем недалеко от «железки». В какую сторону пошли неизвестные, было неясно, и Аристов решил вернуться в Ротозеево. Возможно, именно там они взяли лошадей, а стало быть, их обязательно видели на станции.

Артемий Платонович оказался прав. Их действительно видели. Правда, только одного, высокого. И не на почтовой станции, где можно было взять лошадей, а на железнодорожной. Высокий брал два билета первого класса до Нижнего на пятичасовой поезд. Как показал кассир, высокому было лет тридцать пять и он слегка прихрамывал на левую ногу.

Сие известие немного смутило отставного штабс-ротмистра. Уж больно неосторожно было со стороны злоумышленников столь открыто появляться на станции да еще брать билеты. Нет, тут что-то было не так. Зато Обличайло заметно повеселел.

– Они будут садиться в поезд, и мы их возьмем, – говорил он, возбужденно потирая руки. – Прямо тепленькими.

Поскольку было уже около четырех пополудни, Аристов с Обличайло решили не покидать станцию. Пристав уселся на перронной скамейке с газетой в руке, а Артемий Платонович засел в буфетной возле окна, из которого просматривался насквозь весь перрон.

Поезд пришел с опозданием в четверть часа. Но среди пассажиров, ожидающих его, ожидаемой пары фигурантов не наблюдалось. Не подошли они и во время стоянки поезда. И когда, выпустив клубы пара, поезд тронулся дальше, Аристов с Обличайло поняли, что их провели.

– Ловкие ребята, – уважительно заметил отставной штабс-ротмистр пристава, когда тот с разочарованным видом вошел в буфетную. – Подбросили нам ложный след, а сами, по всей видимости, где-то залегли. Поди теперь сыщи их!

– Они что, здесь остались? – недоуменно спросил Обличайло.

- Скорее всего, – задумчиво ответил Аристов.
- А чего они здесь забыли? – продолжал недоумевать пристав.
- Может, чего и забыли, – пожал плечами Артемий Платонович. – А вернее, не нашли.
- Вы думаете, они нашли не все, что скинули с поезда? – задал Обличайло вопрос, единственно пришедший ему в голову.
- Вполне возможно. И, вероятно, будут продолжать искать.
- Пристав оживился.
- Тогда давайте устроим засаду.
- Где? – укоризненно посмотрел на коллегу Аристов. – Мы же видели место падения сумки. Там больше ничего нет. К тому же не исключено, что интересующую их вещь забрал кто-то другой. А это значит, что они будут искать и этого другого.
- И где нам искать этих двоих?
- Не знаю, сударь, – признался Артемий Платонович. – Но им надо есть, спать, разговаривать с людьми. Они чужаки, и на них обязательно кто-нибудь да обратит внимание.
- Да, трудненько нам придется, – заметил Обличайло. – Может, подключить внутреннюю стражу? Объявить им приметы этих двоих, пусть блюстители смотрят в оба глаза.
- Я тоже подумал об этом, – согласился с приставом Аристов. – Сегодня уже поздно, а завтра я нанесу визит господину начальнику уездной стражи барону Дагеру. К тому же мне необходимо переговорить с молодым бароном. Он ехал в том самом поезде и мог видеть что-нибудь, чего не заметили другие.
- А что делать мне? – спросил Обличайло.
- Вам? – слегка улыбнулся отставной штабс-ротмистр. – Вам надлежит сей же час следовать со мной в гостиницу, то бишь на постоялый двор, составить мне компанию на время обеда, после чего немедленно взять коляску и поспешить в Нижний к вашему начальнику господину полицмейстеру, коему доложить о нахождении нами носового платка с предполагаемыми инициалами умершего в поезде гражданина. Затем, находясь в управлении, надлежит вам, ежели, конечно, уже пришли из губернских управлений данные о пропавших и разыскиваемых лицах, сверить приметы таковых с приметами нашего покойника. При совпадении таковых – а ежели совпадут и инициалы имени пропавшего лица с инициалами на платке, тем более, – вам надлежит вызвать в Нижний Новгород лицо, хорошо знавшее покойника, для опознания. После проведения вышеперечисленных действий вам надобно немедленно вернуться в Ротозеево, найти меня, где бы я ни был, и сообщить о достигнутых вами результатах. Лично, – помахал пальцем Артемий Платонович, – не пользуясь телеграфом. Вам ясно?
- Предельно ясно, господин Аристов, – тоже улыбнулся Обличайло. – Начальник из вас что надо.
- Ну, не преувеличивайте, – скромно отозвался Артемий Платонович. – Я вам вовсе не начальник, а лицо, оказывающее посильное содействие розыскным мероприятиям нижегородской полиции. Не более.
- А мне почему-то кажется, что более, – в шутку не согласился пристав Обличайло.
- Поверьте, это вам только кажется. Итак, обедать?
- Откушали сыщики весьма плотно. Минут через сорок пристав Обличайло уже трясся в дорожной коляске, держа путь в Нижний Новгород, а отставной штабс-ротмистр Аристов, вставив трубку в зубы, принялся нещадно дымить в своем номере, обдумывая дальнейшие свои действия. А подумать было над чем...

На следующее утро, дождавшись времени визитов, Артемий Платонович отправился в имение барона Дагера. Но перед этим случилось нечто такое, что поставило доку сысского дела в тупик. Когда Аристов, спустившись из своего номера, выходил в прихожую, он вдруг услышал:

– Прошу прощения, но вы не подскажете, остановился ли у вас некто Артемий Платонович Аристов, отставной штабс-ротмистр?

Аристов медленно обернулся. Вот так фокус! У хозяина постоянного двора о нем спрашивала молодая стройная дама с замечательно красивым античным профилем, в оранжевом атласном платье, черной бархатной шали и убранной кружевами бархатной же шляпке на затылке. Она явно была ему не знакома. Справившись с первым побуждением подойти и представиться, Артемий Платонович, опустив голову и теряясь в догадках, вышел во двор, где его уже ждал запряженный экипаж. Всю дорогу до имения Дагера эта дама не давала ему покоя. Зачем она спрашивала о нем? Почему она знает, что он в Ротозееве? Что ей нужно? Странно, однако. Если быть предельно откровенным, то уже давно прошли те времена, когда им интересовались дамы. Тем более такие хорошенькие. Да-с!

Наконец, когда коляска уже въезжала в ворота усадьбы, похожей на небольшой средневековый замок, он успокоился. В конце концов, коли Провидению угодно, он со временем все узнает. Ну а ежели не угодно, значит, так тому и быть!

Уже за воротами навстречу экипажу попался вихрастый рябой парень лет пятнадцати. Нахально взглянув прямо в глаза Аристову, парень, и не подумав посторониться, прошел так близко от экипажа, что едва не попал под задние колеса. «Вот бес, – подумал Артемий Платонович, слегка оскорбленный поведением парня. – И воле-то крестьянской всего ничего, а какие изменения в людях. Вот этот – сопля еще, а уж не только кланяться, дорогу уступать не желает. Что же через двадцать лет будет! Куда ж катится Россия».

В передней к Аристову вышел разряженный камердинер:

– Как прикажете доложить?

– Артемий Платонович Аристов, отставной штабс-ротмистр.

– Соблаговолите обождать. Пройдите покуда в гостиную.

– Это куда же, милостивый государь?

– По лестнице и направо.

«Ну и домик, – подумал Артемий Платонович, входя в гостиную с белой мебелью и белыми штофными обоями. – Не дом, прямо дворец».

Вошел ливрейный слуга, молча поклонился и выжидающе уставился на Аристова.

– Ты прибыл в мое распоряжение? – догадался тот.

Слуга молча поклонился.

– Так мне ничего не надобно, ступай. Впрочем, нет, – остановил повернувшегося было к выходу слугу Артемий Платонович. – Принеси-ка ты мне, братец, холоденького кваску. А то дорога совсем запарила!

Слуга снова безмолвно поклонился и тотчас удалился. Через минуту он вернулся с хрустальным бокалом, стоявшим на серебряном подносе. Похоже, в усадьбе царил идеальный порядок, что уже загодя вызвало у Аристова симпатию к ее владельцу. Артемий Платонович взял бокал и сделал глоток. Недурно! Квас был очень вкусным, душистым и до того холодным, что обжигал десны. Отставной штабс-ротмистр с удовольствием выпил весь бокал, и тут в гостиную вошел высокий полноватый пожилой мужчина с седыми кустистыми бровями и пышными усами. Сюртук сидел на нем, как вицмундир, да и во всем облике этого человека угадывался бывший военный. Наверняка из кавалергардов.

– Честь имею представиться, отставной кирасирского полка штабс-ротмистр Артемий Платонович Аристов, – отрекомендовался гость.

– Очень приятно, – вежливо улыбнулся барон, протягивая Аристову руку. – Отставной гвардии Измайловского полка майор Андрей Андреевич Дагер. Рад, весьма рад. Присаживайтесь, пожалуйста.

– А не приходится ли вам родственником полковник Адриан Андреевич Дагер, средневожский полицмейстер? – поинтересовался Аристов, устроившись в креслах.

– Да, это мой брат, – живо ответил Дагер. – Вы знакомы?

– Конечно.

– Ну, и как он там?

– Ваш брат прекрасный человек. К тому же он занимает именно свое место и очень любит свое дело.

– Отрадно слышать, – благодарно посмотрел на Аристова барон. – Хотя, признаться, мне приходилось слышать о нем всякое.

– Не верьте досужим вымыслам и слухам. Пустое! – отмахнулся штабс-ротмистр. – Я прекрасно знаю вашего брата и уверяю вас, что он человек долга и чести. А поскольку мне неоднократно приходилось сталкиваться с ним по разным делам, то смею вас заверить, общение с ним для меня всегда не только полезно, но и приятно.

Артемий Платонович умолк. Установилась неловкая пауза, которая частенько разделяет малознакомых людей.

– Вы служите? – поспешил прервать молчание Дагер.

– Нет, – коротко ответил Аристов.

– А я служу, – в словах барона прозвучала грусть. – Недавно поступил. Опять по военному ведомству – уездным начальником внутренней стражи.

– Я знаю, – сказал Артемий Платонович. – Собственно, это и является целью моего визита к вам.

– Понимаю, – понизил голос барон. – Вы занимаетесь этим убийством в поезде, так? Как частный сыщик.

– Позвольте, но откуда вам это известно? – опешил отставной штабс-ротмистр. – Вам это сообщил нижегородский полицмейстер?

– Нет, – засмеялся Дагер. – У меня пока еще нет собственного телеграфа. Все гораздо проще.

Барон позвонил в колокольчик, и в дверях тотчас выросла фигура лакея.

– Принеси сегодняшние газеты, – приказал Андрей Андреевич.

Лакей исчез и через несколько мгновений вернулся с кипой газет.

– Вот, прошу, – протянул барон Артемию Платоновичу «Нижегородский листок». – Смотрите раздел «Хроника».

Аристов развернул газету, нашел раздел и принялся читать...

ЗАГАДОЧНАЯ СМЕРТЬ

В ночь с 26 на 27 августа в вагоне второго класса поезда Москва – Нижний Новгород во время остановки на ст. Ротозеево было найдено мертвое тело неизвестного человека. Это мужчина лет 25–27, умерший по невыясненным причинам. Местным лекарем, привлеченным для осмотра трупа, явных признаков насильственной смерти обнаружено не было. Однако ехавший этим же поездом известный частный сыщик г. А.П. Аристов, очевидно, полагает, что это все же убийство. Им же было проведено предварительное дознание, в результате которого выяснилось, что пропали все вещи покойного. Вероятно, они были выброшены в окно злоумышленником или злоумышленниками на подъезде к ст. Ротозеево.

В этом непростом деле возникает немало вопросов:

Кто был этот человек?

Зачем его убили?

У кого теперь его вещи и почему они заинтересовали преступников?

На все эти вопросы мы надеемся в скором времени получить ответы от г. Аристова, взявшегося распутать это загадочное происшествие. Все дела, за которые брался до этого сей известный сыщик, были им удачно завершены.

Будем надеяться, что и эта таинственная смерть в поезде будет им также раскрыта и объяснена.

А. Постнов

– М-да, – озадаченно протянул Аристов. – Прославился, стало быть! Я вовсе не хотел афишировать свое пребывание здесь. И принесла же нелегкая этого репортера. Теперь преступники будут еще осторожней.

Дагер улыбнулся:

– Это называется заслуженная слава.

Отставной штабс-ротмистр отмахнулся:

– Да полноте вам, и вы о том же!

– Значит, все-таки в поезде произошло убийство? – перевел тему разговора барон.

– Этого наверняка я знать не могу. Но поскольку преступников интересовали вещи покойного, – отставной штабс-ротмистр серьезно призадумался, – а вещи действительно были похищены и выброшены в окно по ходу поезда, – полагаю, что они были заинтересованы в смерти этого пассажира.

– Да, не простой случай, – заметил барон.

– Не простой, – согласился Аристов. – Поэтому я и вынужден просить вашей помощи.

– Сделаю все, что в моих силах, – заверил гостя Андрей Андреевич.

– Благодарю вас. Поскольку, как я полагаю, преступники до сих пор находятся в вашей округе, – начал Артемий Платонович, – надо дать их приметы стражникам и всем заинтересованным лицам, чтобы те походили по деревням и поспрашивали, не видел ли кто этих людей. И чтобы сами блюстители порядка постоянно были начеку. Все сведения должны стекаться к вам, а уже от вас ко мне или моему помощнику приставу Обличайло. Это вас не сильно затруднит?

– Бог с вами, это же моя обязанность, – вскинул брови барон. – Сегодня же будут отданы все необходимые распоряжения.

– Благодарю вас.

– Где вы остановились?

– Я человек весьма непритворный, – заверил барона Аристов, – в Ротозееве, на постоялом дворе.

– Может, вы примете мое приглашение и остановитесь у меня? – любезно предложил барон.

– С удовольствием, но там мне удобнее для дела, – ответил отставной штабс-ротмистр. – Там станция, почта, телеграф. А вот бывать у вас мне будет необходимо довольно часто. Надеюсь, вы не откажете мне в любезности?

– Да ради бога! В любое время дня и ночи, – искренне заверил его барон.

– Ну, ночи вряд ли, – улыбнулся Артемий Платонович. – И еще. Мне надо переговорить с вашим сыном. Он ведь ехал в том же самом поезде.

– Хорошо. Сейчас я его позову.

Барон снова звякнул в колокольчик и приказал лакею найти Михаила. Молодой барон явился минут через пять. Внешне он очень напоминал отца, по существу, был его молодой копией. Высок. Щеголеват, может быть, даже чересчур. Такие франты умеют вскружить дамам голову. Но поскольку, выйдя из поезда, он тотчас сел в коляску и поехал в отцово имение, то ничего интересного для Аристова сообщить Михаил не мог. Размышляя о своем предстоящем разговоре с отцом, Михаил даже не обратил внимания, кто вместе с ним сошел с поезда.

На обратном пути Артемию Платоновичу вновь вспомнилась та дама, что спрашивала про него у хозяина постоялого двора. Может, она прочитала ту статейку в газете и хотела ему что-то сообщить? Право, это уже навязчивая идея!

На постоялом дворе он увидел коляску помощника нижегородского полицмейстера. Значит, Обличайло уже вернулся! Только вот с чем?

Максима Станиславовича он застал в его номере. По его сияющему лицу было нетрудно догадаться, что прибыл он с благоприятными вестями.

– Вижу, что вы не зря съездили, – констатировал Артемий Платонович. – Ну, рассказывайте. Жду!

– Я сделал все так, как вы сказали, – оживленно начал Обличайло. – По пришедшим в управление ответам на наши запросы о пропавших и разыскиваемых, приметы и инициалы нашего покойника совпали только с двумя: давно разыскиваемым мещанином Пермской губернии Кондратием Молоковым и чиновником особых поручений при средневожском губернаторе Константином Макаровым. Этот Макаров должен был 27 августа телеграфировать в Средневожск о своем прибытии в Нижний, но не телеграфировал. Когда наш запрос дошел до Средневожска, то там признали, что присланные приметы совпадают с приметами этого их чиновника, вот они и обеспокоились. Тем более что он должен был сесть на этот поезд именно в Володарах. В Нижнем нашлись знакомые этого Макарова, они и опознали его труп. В данный момент его тело плывет на пароходе в Средневожск.

– Я тоже в данный момент должен был плыть в Средневожск, – заметил Артемий Платонович. – Ладно... Вы мне вот скажите, что делал чиновник особых поручений при средневожском губернаторе в этих Володарах? И что такого он вез в своей дорожной сумке, из-за чего, верно, и постигла его смерть?

– Я могу только предполагать, господин Аристов, – неуверенно произнес Обличайло. – В Средневожске, насколько мне известно, вот уже несколько месяцев находится жандармский полковник Мезенцов. Может, этот вояж Макарова как-то связан с этим?

– Благодарю вас, – отозвался Артемий Платонович задумчиво. – Вероятно, вы правы.

«И как это я сам не догадался?» – хотел было добавить он, но промолчал. Действительно, товарищ начальника штаба Отдельного Его Императорского Величества корпуса жандармов флигель-адъютант Михаил Владимирович Мезенцов вот уже несколько месяцев пребывал в Средневожске, но о цели его вояжа в губернский город никто не знал, исключая, разумеется, губернатора и, возможно, чиновника особых поручений Константина Никитича Макарова.

«Может, у Макарова была какая-то особая миссия в Володарах? – продолжал размышлять отставной штабс-ротмистр. – Может, там ему передали какие-то документы, предназначенные для Мезенцова, которые он и вез в своей дорожной сумке? А кто-то об этом знал и, дабы завладеть этими документами, и убил Макарова?»

Вопросов было много. Ответов – ни одного. До Артемия Платоновича, конечно, доходили слухи, что в Средневожске существует какая-то тайная организация революционного толка, но ни целей ее, ни насколько она опасна существующему режиму, он не знал.

– Как бы то там ни было, – сказал он, – наша цель – найти преступников, похитивших сумку, а вернее, ее содержимое. И изъять его у них.

– Это понятно, – со вздохом отозвался Обличайло. – Только вот где их искать?

Артемий Платонович задумался.

В то время как он раскуривал свою трубку, из почтово-телеграфной конторы вышла красивая дама в оранжевом атласном платье с античным профилем. Она тоже была задумчива и рвала в мелкие кусочки телеграмму, только что полученную ею из Нижнего Новгорода. В телеграмме было всего три слова:

«Личность фигуранта установлена».

Глава 7

БОЛЬШЕ, ЧЕМ УЗЫ РОДСТВА

Вера еще раз внимательно осмотрела письма. Но все они были написаны не по-русски, хотя некоторые слова и можно было прочитать. Показать бы их дяде, владеющему несколькими языками, однако он был занят визитером в Белой гостиной. Вере ничего не оставалось, как запереть покуда письма в своем комод.

Потом дядя долго беседовал с Мишелем у себя в кабинете и, даже не отобедав, спешно укатил в Ротозеево.

А потом к ней пришел кузен.

– Можно к тебе? – спросил он, постучав в ее комнату.

– Конечно, – ответила она, улыбнувшись. – Ты же знаешь, я всегда рада тебя видеть.

«Рада тебя видеть» – это не составляло и сотой доли того, чем было заполнено сердце Веры. Она боготворила двоюродного брата. Сколько она себя помнила, он был для нее высшим существом. Таковым являлся для нее и старший кузен, но Мишель был особенным высшим существом. Она помнила о нем в те долгие дни его службы в гвардии, мысленно разговаривала с ним и даже немного спорила. О чем? О том, что он должен быть рядом с дядей, жить в замке и помогать ему в его хозяйственных делах. Она, конечно, лукавила. На самом деле, в чем она долго не могла признаться сама себе, ее самым большим и заветным желанием было то, чтобы она была рядом с Мишелем, могла видеть его каждый день и дышать с ним одним воздухом.

– Знаю, милая сестренка, конечно, знаю, – благодарно глянул на нее Михаил. – Верно, в этом доме, да и во всем свете ты единственная, кто всегда рад меня видеть.

– Ты что, поссорился с дядей? – с тревогой спросила она.

– Да нет, – ответил молодой барон. – Мы просто беседовали о жизни. Отец считает, что я должен служить. Не по военной, так по гражданской линии.

– Ну, если так считает дядя... – Она опустила головку, и легкий румянец покрыл ее лицо.

– Он хочет, чтобы я отправился в Средневолок к его брату. Ты ведь знаешь, что Адриан Андреевич служит там полицмейстером. Говорит, если я скучаю по военной службе, то служба в полиции мне ее в достаточной степени заменит.

– А ты? – подняла Вера на него глаза.

– Из гвардейцев в полицианты? Нет уж, увольте. Меня не поймут. Ты знаешь, – дабы перевести разговор в иное русло, сказал Михаил, – в поезде, где я ехал, умер один пассажир. Газеты пишут, что его как-то таинственно убили, а багаж похитили. Тот человек, что приезжал сегодня к отцу, ведет расследование этого дела. Он и меня расспрашивал, не видел ли я чего. Крепкий такой старикан.

– Господи, – тихо произнесла Вера.

С холодным ознобом пронеслась вдруг мысль, что и ее Мишеля могут вот так же убить и ограбить, и его не будет, а вместе с ним померкнет и весь мир, и отпадет и желание, и надобность жить дальше.

Она как-то судорожно вздохнула.

– Что, напугал я тебя? Боже, какой я все же глупый, – с жалостью посмотрел на двоюродную сестренку Михаил. – Прости меня, пожалуйста.

Он положил ей на плечи руки и почувствовал, что она дрожит.

– Успокойся, прошу тебя, – ласково произнес он и заглянул ей в глаза.

Ее взгляд поразил его. На него смотрели глаза женщины, наполненные любовью и болью. Он даже отдернул руки – так выразителен и жгуч был ее взгляд. А потом он почувствовал, что между ними что-то произошло. Как будто с этой минуты их стало связывать нечто большее,

нежели только родственные узы. Какая-то иная нить протянулась между ними, очень важная, что роднит души людей даже больше, чем нити родства.

Вот как оно бывает. Смутившись, Мишель отыскал подходящую причину для ухода и, попрощавшись, ушел.

Ночью Вера долго не могла уснуть. Вспоминался во всех деталях этот разговор с кузеном, его руки на ее плечах, вызвавшие озноб во всем теле и какой-то непонятный холодок в животе. И его взгляд, наполненный удивлением и прозрением. Будто он увидел в ней нечто такое, чего не видел никогда и даже не предполагал увидеть.

Когда она открыла глаза, то почувствовала, что улыбается. По-летнему светило солнце, а внутри и вокруг нее все было наполнено ощущением праздника. Она вскочила с постели и бросилась одеваться. Скорее, скорее увидеть его глаза, услышать его голос. Скорее окунуться в счастье.

В ее комнату заглянула горничная:

– Вы проснулись, барышня?

– Проснулась! – весело воскликнула Вера. – Ты не беспокойся, я оденусь сама. И мне ничего не надо.

– Вас там это, парень из Березовки с утра дожидается. Говорит, дело до вас есть.

«Верно, пришел за своей наградой, – подумала Вера. – А я так и не переговорила с дядей».

– Проводи его в беседку, я сейчас выйду, – с некоторой досадой сказала Вера.

– Барышне известно, какая история вышла с письмами? – выпалил Сенька, как только Вера вошла в беседку.

Вера насторожилась:

– Нет, а что такое?

– Вы слышали об убийстве в поезде?

– Слышала, только тебе-то откуда это известно?

– В Ротозееве только об этом и говорят. И на базаре, и в трактире...

– А что ты делал в Ротозееве?

– Да так, повидать кое-кого надо было, – неопределенно пожал плечами Сенька.

– Что-то ты темнишь, Семен, – пристально посмотрела на него Вера. – Ведь так?

– Да что вы, барышня, – округлил глаза Сенька. – Разве бы я посмел! Я от вас никогда ничего не скрываю. Вот и сегодня пришел, чтобы кое-что вам рассказать.

– Хорошо, говори.

– Так вы слышали об убийстве в поезде? – заговорщицким голосом спросил Сеня.

– Слышала. Мне говорил об этом кузен.

– Так вот, – понизил голос Сенька, – письма оттуда!

– С чего ты это взял?

– Да стражники повсюду спрашивают о двоих чужаках, большом и маленьком. Большой постарше и хромает. А маленький моложе и в пуховой шляпе. Они ехали в том самом поезде и вышли в Ротозееве. Так вот, – Сенька огляделся по сторонам и перешел на шепот, – это их я в лесу видел.

Внутри у Веры похолодело.

– Ты уверен?

– Уверен. У них была большая сумка с какими-то бумагами. Письма те из этой сумки. Я еще тогда подумал, что они ее, верно, где-то сперли. Уж больно они таились.

– В таком случае бумаги как можно быстрее надо показать дяде. Я сделаю это сегодня же.

– А моя награда?

– Не беспокойся. Я поговорю с дядей и постараюсь выхлопотать ее для тебя.

Сенька даже подскочил от радости. Деньги! Он скоро получит много денег! А потом он все-таки найдет этих двоих и скажет им, что нашел их письма. И предложит им выкупить их. Он уже занялся их поисками и знает, что в Ротозееве этих двоих нет. Ничего, он их отыщет и убьет двух зайцев одним махом! Вот тогда и похлебает уху!

Ай да Сенька!

Глава 8

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОТСТАВНОГО ШТАБС-РОТМИСТРА

Все-таки дама, что спрашивала о нем у хозяина постоялого двора, крепко занимала мысли Аристов. Кто она? Что делает в этом Ротозеево? Зачем она интересовалась им и связан ли был ее интерес только с газетной публикацией? А может, узнав о происшествии в поезде, она хотела что-то ему сообщить и он зря не подошел к ней тогда, когда она спрашивала о нем? Все-таки каким же он иногда бывает растяпой!

Артемий Платонович спустился вниз и нашел хозяина постоялого двора.

– Простите, меня кто-нибудь спрашивал? – стараясь казаться непринужденным, спросил он.

– Да, – ответил хозяин, – вчера. Очень красивая дама.

– Она не сказала, что ей от меня нужно?

– Нет, ваше благородие. Спросила только, остановились ли вы здесь. Я ответил, что остановились.

– И это все? – недоуменно спросил Аристов.

Хозяин удивленно пожал плечами:

– И все.

– Она представилась?

– А как же, представилась, ваше благородие. Сразу видно, что дама из благородных. Зовут ее Валентина Дмитриевна Петровская. Так она записалась в журнале для приезжих.

– Странно... И что, она вот так вот одна и приехала? – удивился Артемий Платонович.

– Нет, конечно. Как можно таким дамам и одним. С ней лакей прибыл, Прошкой его кличут.

– А в каком номере она остановилась? – продолжал допытываться Артемий Платонович.

– В пятом, ваше благородие, – не задумываясь, ответил хозяин. – Этот номер у меня как раз для таких важных господ, как эта дама. Вот только они уже съехали.

– Как съехали, когда?

– Да седни и съехали, почитай, часа два назад будет. Велели прислать крытую коляску, ну, и уехали...

– А куда?

– Оне не сказывали... а как тут спросишь!

– Верно, не спросишь.

Вот тебе и номер! Новая загадка! Какая-то таинственная дама интересуется им, узнает, что он остановился на постоялом дворе, и после этого почему-то внезапно уезжает в неизвестном направлении. Она что, испугалась его? Или ее целью только и было, что узнать его местонахождение? Но тогда выходит, что она все же каким-то образом связана с убийством Макарова. Допустимо, пусть и косвенно.

Ладно, зная, как ее зовут, можно разузнать, откуда она прибыла и куда отправилась. А вот куда запропастились двое преступников, вот это вопрос! Они буквально в воду канули. Растворились. Без всяких следов. Они не садились на поезд, не брали экипажа... Выходит, что ушли пешком? Но тогда бы их обязательно кто-нибудь да и видел. А может, видели и уже доложили барону Дагеру? И кто-нибудь из стражников уже скачет верхом в Ротозеево, чтобы сообщить о том ему или приставу Обличайло?

Размышления отставного штабс-ротмистра прервал стук в дверь.

– Войдите, – громко произнес Аристов.

Это был пристав Обличайло собственной персоной.

– Что, никаких вестей? – быстро спросил он.

– Никаких, – со вздохом отвечал Артемий Платонович. – Эти двое будто провалились. Пристав ухмыльнулся:

– Знаете, я подумал о том же самом.

– И все же меня не покидает ощущение, что они где-то рядом. Сейчас между нами как бы спор – у кого нервы крепче. Поэтому нам остается набраться терпения и ждать. Злодеи как-нибудь да проявятся. Обязательно. Да, Максим Станиславович, у меня к вам будет поручение.

– Слушаю вас.

– Здесь в пятом номере останавливалась некая дама, зовут ее Валентина Дмитриевна Петровская. Сегодня она съехала. Очень прошу вас, мой друг, выясните, кто она такая, куда уехала и, по возможности, какова была цель ее приезда в Ротозеево.

– Слушаюсь.

– И ради бога, не надо этих «слушаюсь», – поморщился Аристов. – Я вам вовсе не начальник и не имею права вам приказывать. Это простая просьба старшего коллеги... Если так можно выразиться.

– Хорошо, Артемий Платонович, я все исполню, – заверил его Обличайло.

Как известно, нет ничего хуже, как ждать и догонять. Впрочем, догонять еще терпимо, имеется какая-то цель. Бежишь себе потихонечку, авось и догонишь.

А ждать?

Терять время было не по характеру отставного штабс-ротмистра Аристова. Надо было что-то предпринимать, действовать порешительнее. И когда Обличайло убыл исполнять приказание, тьфу ты, его просьбу, сам Артемий Платонович решил съездить в замок Дагера.

Авось барону все же удалось что-то узнать.

Глава 9

НЕЖДАННАЯ ГОСТЬЯ

Крытая коляска въехала в ворота усадьбы Дагера и остановилась прямо напротив парадного крыльца. Из коляски вышла красивая стройная дама с тонкими античными чертами лица и высокого роста лакей весьма крепкого сложения. Дама передала лакею, выбежавшему ее встречать, свою визитную карточку и, велев спросить, может ли ее принять господин барон, принялась неторопливо расхаживать вдоль дома.

– Валентина Дмитриевна Петровская? – удивленно вскинул брови барон, прочитав карточку. – Кто такая? Среди соседей я о такой не слышал. Хотя кто сейчас поймет! Времена...

Звякнув в колокольчик, он велел слуге найти сына и племянницу. Когда те пришли, Андрей Андреевич спросил Михаила:

– Тебе, случаем, не известна такая дама – Петровская Валентина Дмитриевна?

– Нет, – ответил молодой барон.

– А тебе, Вера?

– Я тоже не знаю ее, дядя.

– Вот и я не знаю. Впрочем, я знал одну Петровскую. – Его глаза озоровато блеснули. – Хотя нет, пустое!.. Ладно, посмотрим, что ей надо. Федор, проводи эту даму в малую гостиную.

В шлафроке дам принимать не совсем прилично, особенно незнакомых, оттого барон прошел к себе и сменил халат на темного цвета сюртук. А потом прошел в гостиную. Гостья была довольно привлекательной особой, с пухлыми выразительными губами.

– Прошу меня простить, барон, за мое вторжение к вам и нарушение вашего покоя, тем более что мы не знакомы, – произнесла дама приятным голосом, после того как, поздоровавшись, Андрей Андреевич предложил ей присесть в кресло. – И я никогда не позволила бы себе подобного, если бы не чрезвычайные обстоятельства.

– Ну что вы, никакого покоя вы не нарушили, – учтиво ответил Дагер, с удовольствием разглядывая красавицу. На просительницу она была не похожа, так почему бы не выслушать ее?

– Вы, наверное, слышали об убийстве в поезде? – спросила дама, вскинув на барона наполнившиеся слезами глаза.

– Слышал, – насторожился Андрей Андреевич.

– Говорят, оно произошло между Володарами и Ротозеевом. А ваше имение находится как раз между этими двумя станциями и ближе всего к месту убийства.

– Ну, да, – еще более озадачился барон, не понимая пока, к чему клонит дама.

– Я была невестой убитого.

– Боже праведный! – невольно воскликнул Андрей Андреевич. – Какое несчастье!

– Да, – поднесла она кружевной платочек к глазам. – Мы должны были встретиться с ним в Нижнем Новгороде, и вот... такая трагедия.

– Сударыня, но откуда вы узнали, что это был именно ваш жених? – спросил барон Дагер. – Может быть, еще рано горевать, насколько мне известно, при несчастном не было обнаружено никаких документов?

– Очень бы хотелось в это верить... Но господам, ведущим расследование этого убийства, удалось установить личность... убитого... моего Костика. К тому же наши общие с Константином знакомые в Нижнем Новгороде опознали его тело, – она судорожно всхлипнула, – и телеграфировали мне об этом. Уже нет никакого сомнения, что убитый в этом поезде – Константин Никитич Макаров, мой бывший жених.

Барон с нескрываемым участием посмотрел на незнакомку, тщетно пытавшуюся овладеть собой. Но слезы так и лились ручьями из ее прекрасных глаз.

– Да-с... Валентина Дмитриевна, я искренне сожалею о случившемся, – проникновенно произнес Андрей Андреевич, – и если я чем-то могу вам помочь, я весь к вашим услугам.

– Благодарю вас, – тихо ответила Петровская, вытирая слезы. – Когда я узнала, что Костя погиб, я впала в какое-то оцепенение. Я была как сомнамбула. А потом мною овладела мысль – рассчитаться с убийцами моего жениха. Пускай они понесут наказание по заслугам... Эта мысль была неотступна. Она-то и привела меня к вам. Как я уже говорила, ваше имение находится ближе всего к месту гибели Кости. Отсюда я и должна начать свои розыски. И прежде всего я нуждаюсь в вашей помощи как начальника внутренней стражи.

– Понимаю вас, – негромко промолвил Андрей Андреевич. – Но вам не стоит беспокоиться по этому поводу, мы делаем все возможное, чтобы отыскать преступников. Мною уже отданы все необходимые распоряжения. Их ищут, и смею вас заверить, найдут. У нас есть их приметы.

– Не знаю, как вас и благодарить, господин барон, – с чувством произнесла Петровская, благодарно посмотрев на Дагера мгновенно просохшими глазами.

– Ну что вы, какие тут могут быть благодарности, – ответил Андрей Андреевич, – это мой долг. А потом у вас такое горе... Я покорнейше прошу принять предложение быть моей гостьей.

– Вы очень добры, но...

– Не спорьте, вы моя гостья, – мягко, но одновременно требовательно настоял барон. – Вы же сами сказали, что отсюда вам более всего удобно вести свои розыски. Не исключаю, что ваша помощь может нам понадобиться. К тому же не пристало такой очаровательной даме, как вы, останавливаться на постоялом дворе вместе с купцами и деревенскими мужиками. Посему я настойчиво прошу вас принять мое приглашение, – безапелляционным тоном произнес Дагер.

– Право, я не знаю, следует ли мне принимать ваше приглашение. Ведь я для вас совсем чужая.

– Ну, это дело поправимое, – улыбнулся барон. Он позвонил в колокольчик и, когда лакей вошел, приказал: – Найди Михаила и Веру и скажи, чтобы они пришли сюда.

Когда те явились, Андрей Андреевич представил их Петровской. А потом сказал:

– Теперь мы все знакомы с вами, стало быть, вы нам уже не чужая, – заверил барон. – Поэтому у вас теперь нет причин не принять мое предложение.

– Что ж, я вынуждена вам уступить, – позволила себе улыбнуться Петровская, – и принять ваше предложение. И очень вам благодарна. И все-таки я хотела бы принять участие в поисках преступников.

– А вы барышня с характером, – весело заметил барон.

– О том же самом мне говорит и папенька.

– С чего вы намерены начать ваши розыски? – деловито поинтересовался барон.

– Пока еще не знаю, – пожалала хрупкими плечиками барышня. – Для начала мне надо изучить местность.

– Похвально, – заметил барон.

– А может, вам было бы полезно увидеться с людьми, расследующими это дело? – спросил Михаил, не сводивший взгляда с Петровской. – Вчера один из них приезжал к нам.

– Верно, – поддержал сына Андрей Андреевич. – Насколько я могу судить, это очень толковый сыщик.

– Вы имеете в виду господина Артемия Платоновича Аристова? – осторожно спросила гостья.

– Именно, – с легким удивлением ответил барон Дагер. – Вы с ним знакомы?

– Нет, – с сожалением сказала Петровская. – Но я о нем много слышала хорошего. Мне известно, что он находится здесь. Вчера я пыталась с ним увидеться, но мне не удалось. – Она печально вздохнула: – Верно, он слишком занят.

– Мне кажется, мы утомили нашу гостью своими расспросами, – положил конец разговорам Андрей Андреевич. – Вера, отведи Валентину Дмитриевну в комнаты для гостей. Надеюсь, они в порядке?

– Дядя, вы меня обижаете, – полусутохла отозвалась Вера. – Конечно, в порядке.

Она отвела Петровскую в гостевые комнаты и хотела было уйти, но гостья остановила ее.

– Будьте добры, побудьте со мной еще немного, – попросила Валентина Дмитриевна. – Мне сейчас так тягостно одиночество.

– Конечно, – сочувственно согласилась Вера, присаживаясь и ласково глядя на гостью.

– У вас, верно, много дел? – присела на канapé Петровская.

– Хозяйство большое, приходится приглядывать.

– И вам редко удается гулять?

– Нет, отчего же, – живо отвечала Вера. – Я люблю гулять по парку, часто хожу в Березовку.

– Понятно, значит, местность возле железнодорожной насыпи вы знаете плохо? – задумчиво произнесла Петровская.

– Вы имеете в виду рощу?

– Да.

– Я там почти не бываю, – ответила Вера. – Там темно и густые заросли. А потом в прошлом году там видели волков.

– А ваш кузен знает эту местность? – допытывалась гостья.

– Конечно. Он не раз охотился в роще вместе с дядей. Эта роща так и называется Охотничьей, – пояснила девушка. – Там водятся даже кабаны.

– А вы... не станете ревновать, если я попрошу Михаила Андреевича проводить меня туда? – заглянула Петровская в глаза Вере.

– Вы вольны поступать, как вам заблагорассудится, – несколько резковато ответила Вера, удивившись несомненной бестактности такого вопроса после столь недолгого знакомства.

– Вы не должны обижаться на меня, – извиняющимся тоном произнесла Петровская, дотронувшись кончиками пальцев до ладошки Веры. – Я до сих пор не могу прийти в себя после получения известия, что мой жених погиб, и часто не осознаю, что говорю.

Вышла Вера от гостьи с двойственным впечатлением. С одной стороны, она заметила у Петровской черты, которые ее почти отталкивали, а с другой – ей импонировало ее решение посчитаться с убийцами своего жениха, и было очень жалко эту молодую женщину, потерявшую любимого человека и столь безутешную в своем горе.

Иное впечатление произвела Петровская на Михаила. За обедом он сидел против нее, и взгляды, бросаемые им на гостью, были полны восторга и восхищения. Он явно любовался ее прекрасным античным лицом, ее фигурой и полной грудью, красиво обрисовывающейся под черным шелковым лифом. Эти взоры, конечно, не ускользнули от внимания Веры, испортив ей настроение и полностью уничтожив ощущение праздника, испытываемое с самого утра. Вместо него в душу заглянула стыдливая ревность и горькая досада.

А к гостье она теперь испытывала крайнюю неприязнь.

Обед прошел почти в полном молчании; Петровская была весьма сдержанна, почти не разговаривала, а обитатели замка не решались беспокоить ее беседами, помня о том, какие именно обстоятельства привели ее в имение. После обеда, сославшись на неотложные дела, старый барон сразу же ушел в свой кабинет, а Вера, когда они покинули столовую и обосновались в малой гостиной, передала кузену желание гостьи сопроводить ее в Охотничью рощу.

– С удовольствием отдам себя в ваше распоряжение, – с видимой радостью поклонился Михаил. – Валентина Дмитриевна, как вы смотрите, если мы поедем с вами верхом? – предложил он.

– О, это было бы замечательно! – воскликнула Петровская и тут же опечалилась. – Но у меня нет с собой амазонки.

– Это дело поправимое, – улыбнулся Михаил. – У Веры хороший гардероб, наверняка она захочет вам помочь.

– Боюсь, мое платье не подойдет госпоже Петровской, – с явным холодком в голосе заявила Вера.

– Вот как, почему? – слегка опешил молодой барон, рассчитывавший на полное согласие Веры.

– Я бы с радостью помогла Валентине Дмитриевне, но она много полнее меня, и моя амазонка может просто не подойти ей, – ответила Вера, с некоторой завистью кинув взгляд на грудь гостыи.

– Вздор, – заявил Михаил, не ожидавший от кухни сопротивления и с удивлением вглядываясь в нее. – Тебе просто жалко твоих французских платьев.

– Ничуть, – холодно ответила Вера.

– Уверю тебя, на следующей неделе я тебе куплю с полдюжины платьев!

Вера пожала плечами:

– Мне это без надобности. Впрочем, делай что хочешь. А мне, прошу прощения, пора заняться хозяйством.

Девушка скорым шагом покинула гостиную, провожаемая двумя взглядами: один недоуменный, другой – понимающий.

– Ваша кухня просто образец домовитой хозяйки, – с еле заметной долей иронии заметила Петровская.

– Да, – задумчиво согласился Михаил. – Вся усадьба практически на ней. Прошу вас извинить ее за некоторую резкость, – добавил он. – Вероятно, она очень устала.

– Да, я понимаю, – мелькнули насмешливые искорки в глазах гостыи. – Теперь я уже и сама не хочу ехать верхом.

– Тогда пойдемте пешком, – предложил Михаил. – Роща, что вас интересует, находится совсем недалеко, а за ней как раз железнодорожная насыпь.

– Давайте пойдем к насыпи рощей, – предложила Петровская. – Вы ведь хорошо ее знаете?

– Конечно, – уверенно отозвался Михаил.

Какое-то время они шли молча. О чем думала Петровская, приходилось только догадываться, а вот думы Михаила были вполне явственны. Он думал о гостье замка и был полон восторга, что такая прелестная женщина идет рядом с ним, смотрит на него, невзначай касается его своим плечом. Волна чувств к ней уже захлестывала его и продолжала расти.

– Ой, как здесь много травы!

Михаил почувствовал себя виноватым:

– Да, роща порядком заросла.

– А теперь ступайте вперед и указывайте мне дорогу, – потребовала Петровская, когда они подошли к роще.

Пропустив его, она подобрала подол платья и, выверяя каждый свой шаг, пошла следом. Тропинка была едва различима, но Михаил шел уверенно, пользуясь только ему знакомыми ориентирами.

– Вы действительно прекрасно знаете свою рощу, – сказала сзади Петровская.

– А вы сомневались? – обернулся Михаил и не сразу смог оторвать взгляд от ее лица, покрывшегося нежным румянцем. – Ведь здесь прошло все мое детство.

– Вовсе нет, – ответила она, отметив про себя его взгляд. – А кто-нибудь еще знает этот лес так же хорошо, как вы?

– Пожалуй, отец, – снова обернулся Михаил, чтобы еще раз полюбоваться ее лицом.

– Наверняка еще и егеря? – уточнила Петровская.

– Мы давно уже их не держим. Железная дорога распугала крупную дичь. Осталось немного... Так что егеря нам теперь без надобности... Вот черт, – выругался он, останавливаясь.

– Что случилось? – обеспокоенно спросила барышня.

Он обернулся и указал в чашу:

– Вон там, у березы – видите?

Петровская взглянула в ту сторону, куда указывал Михаил, и увидела бьющегося в траве зайца.

– Господи, заяц!

Михаил выглядел рассерженным:

– Опять этот сопляк расставил свои силки. Ну, я ему устрою...

Он подошел к зайцу, одной рукой взял его за уши, а другой принялся развязывать силки, в которых тот запутался. Потом опустил животное на землю. Заяц не думал убегать, казалось, что он не верил в предоставленную свободу, он слегка пошевелил длинными ушами, как если бы всерьез размышлял о случившемся, а потом, осознав спасение, кинулся прочь, петляя и выделывая замысловатые прыжки.

– Вы это о ком? – спросила Петровская.

– Есть тут один малолетний шалопай с березовских выселок. Силки ставит на нашего зверя. Я его как-то уже проучил, да, верно, мало. Придется ему припомнить урок.

– Он ворует вашу живность? – удивилась Петровская. – Так скажите исправнику, пусть его проучит.

– Я и сам справлюсь, – отмахнулся Михаил. – Кстати, этот паренек знает нашу рощу не хуже нас с отцом, а может быть, даже и лучше. Она для него, как дом родной.

– Да? – задумчиво спросила Петровская. – Где, вы говорите, Мишель, он живет?

– На выселках, в полуверсте от деревни Березовка.

– И как его зовут?

– Сенька. А почему вам это интересно? – удивился молодой Дагер.

– Ну-у... Может, он что-то знает или видел кого-нибудь из посторонних, – непринужденно ответила Петровская. – И как вы только видите эту тропинку? – удивленно спросила она, явно желая перевести разговор в другое русло. – Вот я ее совсем не вижу.

– А как часто, сударыня, вы намерены ею пользоваться? – поинтересовался Михаил.

Худенькие плечики женщины распрямились, отчего ее высокая грудь слегка колыхнулась, заставив Мишеля заволноваться еще более.

– Думаю, довольно часто.

– Тогда я прикажу расчистить ее для вас.

– О нет, не нужно, – с испугом воскликнула Петровская. – Я надеюсь отыскать какие-нибудь следы убийц моего жениха. Ведь его вещи были ими выброшены из вагона где-то здесь...

– Но до железной дороги еще далеко...

– А вы полагаете, что, найдя вещи, они отправились с ними в Ротозеево? – посмотрела на молодого барона Петровская. – Нет, дорогой Михаил Андреевич, они наверняка ушли с ними в вашу рощу, чтобы спокойно осмотреть их, отобрать нужное, а остальное выбросить или спрятать. И, конечно, несомненно оставили свои следы. Их-то я и надеюсь обнаружить.

– Вряд ли это возможно спустя несколько дней, – заметил Михаил.

– И все же я надеюсь, – твердо заявила Петровская. – Ведь дождя же не было. Ой! – через несколько шагов воскликнула она, приподнимая слегка подол платья. – Здесь сыро.

– Здесь когда-то была протока, – объяснил Михаил. – А саженой через десять будет озерцо. Далее тоже будет довольно топко. Позвольте, я донесу вас до него на руках?

– Ну, если иначе нельзя, – потупила взор молодая дама.

Михаил одной рукой обвил стан Петровской и поднял ее. Горячая волна желаний захлестнула его, когда он нес ее, поневоле прижимая к себе. Его состояние почувствовала и барышня, и когда наконец, дойдя до озера, он осторожно опустил ее на землю, лицо его предательски пылало. Петровская тоже покраснела и, отведя взгляд, смущенно поблагодарила его. Повисла неловкая пауза.

– А вот и следы, – заговорила гостя первой, указывая на вытоптанную у озерца траву.

– Верно, – глухо отозвался Михаил, всматриваясь в следы. – Вам повезло, что здесь всегда сыро и листва очень густая и не пропускает солнечные лучи. – Он наклонился и внимательно осмотрел следы. – Вот что я вам скажу... Здесь было четыре человека.

– Четыре? – почему-то удивилась Петровская.

– Ну да. Вот, посмотрите на этот след. Он маленький и узкий. А этот, – указал он на другой отпечаток, – большой и широкий. А вот еще два следа, поменьше второго. Но и они разные. И эти вторые следы выглядят несколько свежее.

Петровская побледнела, закусив губу.

– Что с вами? – с тревогой спросил Михаил.

– Ничего. Просто я вдруг подумала, что на этом месте были люди, убившие моего жениха, и пришла в ужас.

– Вы чересчур впечатлительны, – вздохнул Михаил. – Может, на сегодня хватит? Пойдемте лучше домой.

Мишель попытался взять женщину за руку, но та уверенно и мягко освободилась.

– Да, пожалуй, – согласилась молодая дама. – Только теперь я пойду впереди, чтобы лучше запомнить дорогу. Ведь мне придется еще возвращаться сюда. Ну вот, – остановилась она через несколько шагов. – Кажется, я замочила ноги.

– Позвольте, – решительно подошел к ней Мишель и снова поднял на руки, поймав ее взгляд, как ему показалось, обещающий нечто большее в будущем. Сердце его забилось чаще, и он пронес Петровскую несколько дальше необходимого.

– Благодарю вас, – тихо сказала она, когда он мягко и осторожно опустил ее на землю, оставив руку на ее талии.

– Можно я задам вам нескромный вопрос?

– Все зависит от того, насколько он нескромный.

– Мне важно это знать... А вы... сильно любили своего жениха? – тихо спросил молодой барон.

– Мне кажется, вы слишком убыстряете события, сударь, – не ответила Петровская на его вопрос и мягко сняла его руку со своей талии, снова посмотрев на Михаила загадочным взглядом, внушающим смутное обещание.

– Вы его не любили! – с чувством воскликнул Михаил.

Она молчала, потупившись. Потом вскинула на него полные слез глаза и произнесла:

– Я могла счесть вашу последнюю фразу бестактной. Но вы принимаете во мне столько участия, что я вас прощаю. У вас доброе сердце, поэтому я вам кое-что расскажу.

– Я не требую от вас исповеди, – смешался Мишель.

– И все-таки послушайте... Познакомилась с Костей я еще ребенком. Мне было примерно столько же, сколько вашей кузине. И он первый стал обращаться со мной, как со взрослой женщиной, что льстило мне и не могло не понравиться. Потом он стал отличать меня, и мне показалось, что я влюблена в него. Он был не беден, и мой опекун, стараясь быстрее освободиться от этой своей обязанности и сбить меня с рук, всячески поощрял мои чувства к Константину. А он медлил, хотя и любил меня. Все его время занимало карьерное продвижение. Наконец он получил должность чиновника особых поручений при средневожском губернаторе и сделал мне предложение. Я согласилась. Но он не успокоился. Он хотел перебраться в Петербург

любыми способами. И тут открылась одна вакансия в департаменте полиции, за которую он ухватился мертвой хваткой. Я очень рассердилась, узнав об этом, пыталась отговорить его, но он ничего не хотел слышать. Я даже подумывала о том, чтобы расторгнуть нашу помолвку...

– Это всегда сильно компрометирует всякую девушку, – сдержанно заметил Михаил.

– Именно. Я испугалась будущих сплетен и оставила все, как есть. Он уехал с поручением, по исполнению которого мы были должны встретиться в Нижнем Новгороде. И вот – это известие... Если б вы знали, как я сейчас упрекаю себя. Ведь любил я его больше, этого несчастья могло и не быть.

– Поэтому вы и хотите во что бы то ни стало наказать преступников? – с уважением спросил Михаил.

– Да. Если мне это удастся, я немного успокоюсь и мысль, что я как-то виновна в его смерти, возможно, оставит меня.

– Понимаю вас и благодарю за доверие. Смею вас заверить, что я сделаю все, что в моих силах, чтобы вы перестали упрекать себя. И поверьте, – с большим чувством произнес Михаил, – если раньше я готов был служить вам по долгу обстоятельств, то теперь, признаюсь вам, я буду это делать по влечению сердца.

– Вы настоящий рыцарь, – улыбнулась сквозь слезы Петровская. – Я так благодарна вам, что вы не в силах себе представить. И я надеюсь... когда-нибудь... отблагодарить вас.

* * *

Мишель вернулся какой-то чужой. Только и спросил: «Отец дома?» – и, узнав, что тот уехал в Ротозеево, удалился. Вера, не находя себе места, долго ходила из угла в угол, принималась за какие-то дела, но у нее все валилось из рук. Вдруг она вспомнила о письмах. «Расскажу о них Мишелю, – подумала она. – Может, это отвлечет его от этой Петровской».

Как она и предполагала, кузена она нашла в гостевой комнате. Он сидел в креслах, а напротив полулежала на канапе их гостья. Очевидно, они о чем-то оживленно беседовали, и, когда вошла Вера, Петровская оборвала фразу на полуслове.

– Прошу прощения, – принудила себя Вера любезно посмотреть на гостью. – Мишель, мне надо поговорить с тобой.

Кузен весьма неохотно вышел из гостевой.

– Вера, ты поступаешь довольно бестактно, – недовольно сказал он. – Мы еще не договорили. Могла бы и подождать.

– Ты и так проводишь все свое время с ней, – резко сказала Вера. – Так что успеете еще договорить.

– Боже праведный, неужели ты и вправду меня ревнуешь? – удивился Мишель.

Вера не ответила, пряча глаза, отвернувшись.

– Зря, Вера, ты же знаешь, как я к тебе отношусь... Просто Валентине Дмитриевне сейчас нужна помощь, дружеское расположение, и я со своей стороны хоть как-то...

– У меня к тебе действительно есть дело, – не дала она договорить ему. – Давай пройдем ко мне.

Когда они вошли в комнату, Вера открыла комод и достала оттуда пухлую пачку писем.

– Вот, – положила она связку перед Михаилом. – Это нашел Сенька у озера в Охотничьей роще.

– Что это? – удивленно спросил Мишель.

– Эти письма, похоже, из похищенных вещей того убитого, что нашли в поезде.

– Черт возьми, почему же ты раньше не сказала? – воскликнул в сердцах Михаил.

– Я хотела сначала посоветоваться с дядей, но он всегда так занят, так что мне было...

– Об этом надо немедленно сообщить Валентине Дмитриевне, – перебил кузину Михаил. – Наверняка они для нее очень дороги.

– Я обещала мальчишке вознаграждение.

– О чем ты говоришь! Валентина Дмитриевна не бедна и обязательно отблагодарит твоего Сеньку. Ежели, конечно, это бумаги ее бывшего жениха. Возможно, они помогут и в поисках его убийц.

– Мишель, а ты не считаешь нужным сообщить об этих письмах тому пожилому господину, что ведет расследование? – пристально посмотрела Вера на кузена.

– Конечно, – согласился Михаил. – Давай ты сообщишь о письмах господину Аристову, когда он приедет, а я расскажу о них госпоже Петровской. Так твой Сенька быстрее получит вождеденную награду.

– Он не мой, – парировала выпад кузена Вера. – Просто я помогаю его матери. Но, – она немного подумала, – пожалуй, ты прав.

– Можно взглянуть? – потянулся Михаил к письмам.

– Смотри, – ответила Вера, довольная уже тем, что кузен не спешит возвращаться к гостье.

Михаил повертел пачку в руках, вскрыл одно письмо. Глянул. Потом распечатал другое.

– Так они на польском языке! – воскликнул он. – А Валентина Дмитриевна по матери полька.

– Ты так коротко сошелся с ней, что уже знаешь, кто ее родители? – не сдержала ехидных ноток Вера. – Может, у тебя уже особый интерес к этой особе?

– Прекрати! – сердито прикрикнул Михаил. – Не о том ты говоришь... Ее родители давно умерли! И я считаю своим долгом помочь ей найти убийц ее жениха!

– Прости, – устыдившись, промолвила Вера. – Я тоже искренне желаю того же.

– Знаешь, давай расскажем Валентине Дмитриевне про письма сейчас? – предложил Михаил.

– Нет, – твердо ответила Вера, – это мы сделаем завтра. Я ведь обещала Семену награду. Ну все, – у нее на губах появилась несколько горькая усмешка, – теперь ты можешь вернуться к своей гостье.

– Не знал, что ты можешь быть такой недоброй, – вздохнул Михаил и скорым шагом вышел из комнаты.

Глава 10 НОВЫЙ ГОСТЬ ЗАМКА

Улыбка была широкой и радушной: Андрей Андреевич, видимо, искренне обрадовался приезду Аристова.

– Артемий Платонович, дорогой! Надеюсь, вы отужинаете с нами? – предложил он так гостеприимно и хлебосольно, что Аристову было просто неловко отказать.

– Я действительно немного проголодался. Буду рад составить вам компанию.

– Ну, вот и славно, – еще более оживился барон. – А у меня для вас есть новости.

– Да? – удивленно спросил отставной штабс-ротмистр. – Какие же?

– Представляете, у меня остановилась невеста этого несчастного, что был убит в поезде.

Аристов остолбенел:

– Этого не может быть!

– Оказывается, может, батенька. Она дожидалась его в Нижнем, но когда ее жених до него не доехал, то она принялась его разыскивать. И приехала в Ротозеево, очевидно, прочитав ту самую газетную статейку. А потом, когда вы отправили тело несчастного в Нижний Новгород для опознания, ей сообщили телеграммой, что это и есть ее бывший жених. Вы этого не знали?

Артемий Платонович выглядел растерянным.

– Признаюсь, даже не предполагал.

– Кстати, она говорит, что справлялась о вас на постоялом дворе и хотела с вами встретиться, но по причине вашей занятости это ей не удалось. Так что вы приехали как нельзя кстати и сможете сегодня же переговорить с ней.

– Благодарю вас, – не нашелся более ничего ответить отставной штабс-ротмистр. – Это было бы очень кстати.

– Меня как раз благодарить не надо, – заметил барон. – Валентина Дмитриевна приехала к нам сама. Женщина она молодая, весьма энергичная и просто жаждет отомстить злодеям, убившим ее жениха. Так что вы можете оказаться полезны друг другу.

– Вы сказали – Валентина Дмитриевна?

– Ну да.

– Петровская?

– Она самая.

– Так это она у вас остановилась?

– Так вы все же знаете ее? – в свою очередь удивился барон.

– Лично пока не знаком, – неопределенно ответил Аристов, уже пришедший в себя после огорошившей его вести.

– Значит, познакомитесь за ужином. Кстати, ужинаем мы здесь рано, как в деревне. Я полагаю, нам уже пора идти.

Это была она, та самая дама с античным профилем, что спрашивала о нем у владельца постоялого двора. За столом она была печальна, и ее припухшие глаза говорили о том, что она опять плакала. После ужина все вышли прогуляться в парк, и Петровская устроила так, что именно Аристову пришлось подать ей руку.

– Я искала вас, – сообщила она ему, когда они отошли от остальных на несколько саженей.

– Да? – изобразил удивление на своем лице Артемий Платонович. – И по какому же поводу?

– Ведь вы расследуете убийство моего жениха Константина Макарова? – тихо спросила Петровская.

– А почему вы полагаете, что это было убийство? – быстро спросил Аристов.

– А разве нет? Почему же вы тогда ведете расследование? – вопросом на вопрос ответила она.

– Потому что эта смерть выглядит весьма странной. А при таковых обстоятельствах расследование необходимо, – пояснил отставной штабс-ротмистр. – К тому же у покойного был похищен багаж и все личные вещи, включая железнодорожный билет. Хотя допускаю, что вещи могли похитить и после его внезапной смерти.

– Неужели вы в это верите? – спросила женщина с вызовом.

– Нужно проверить все варианты. Возможно, даже самые неправдоподобные...

– Скажу вам откровенно, господин Аристов. Я искала вас, чтобы спросить о расследовании. Мне необходимо это знать, чтобы помочь вам быстрее найти злодеев. Не забывайте, – она выдержала печальный миг, – ведь они убили моего жениха.

– Я понимаю ваши чувства, сударыня, – не сразу ответил Артемий Платонович. – И как сопереживающий человек, я всецело на вашей стороне в вашем стремлении отыскать убийц вашего любимого человека. Но как лицо, помогающее следствию, я не имею права ставить вас в известность относительно хода расследования. К тому же, хочу заметить, я действую как независимое частное лицо.

– Вот потому-то я и обратилась к вам, а не к вашему напарнику-полицейскому, – продолжала настаивать Петровская. – В отличие от него вы не связаны по рукам разными уставами и наставлениями и имеете полное право поделиться со мной результатами своих розысков. Поймите, это так важно сейчас для меня!

Она всхлипнула, и из глаз ее полились крупные слезы.

– Право, вы ставите меня в неловкое положение... Да нам, собственно, почти ничего не известно, – решил уступить чувствам бедной женщины Артемий Платонович. – Удалось установить только, что преступников было двое. Один из них постарше и высокий, другой младше и ниже ростом. Мы нашли их следы около железнодорожной насыпи, где они подобрали выброшенную из окна идущего поезда дорожную сумку. Потом обнаружили и саму сумку. Эти двое утопили ее в лесном озерке, нагрузив тяжелыми камнями. А вот в сумке на самом дне лежал носовой платок с инициалами. Посчитав, что это начальные буквы имени человека, погибшего в поезде, мы разослали по губерниям запросы, и скоро пришел ответ из Средневожска. После этого мы отправили тело покойного в Нижний Новгород, где у него были знакомые, а уж те опознали его как Константина Макарова, чиновника особых поручений при средневожском губернаторе. – При этих словах Петровская слегка всхлипнула. – Имеется предположение, что преступники не покинули эти края. Где они скрываются – нам неизвестно, но, по всему вероятию, они нашли не все вещи, выброшенные из поезда. Возможно, у них нет как раз самых важных. И они надеются как-то отыскать их. Вот, собственно, и все, сударыня.

– Благодарю вас, господин Аристов, – с чувством произнесла Петровская. – Теперь я знаю, откуда мне начинать свои розыски.

– Вот как? Вы же сказали, что хотите помочь мне, а не вести расследование самостоятельно, – заметил отставной штабс-ротмистр.

– Но мы могли бы вести наши розыски параллельно, а потом делиться друг с другом полученными результатами, – непринужденно предложила Петровская.

– Как вам будет угодно, – вежливо склонил голову Артемий Платонович. – Я не имею права что-либо вам запретить.

– Благодарю вас, господин Аристов, – с какой-то странной интонацией в голосе ответила Петровская. – Уверяю вас, моя помощь понадобится вам очень скоро.

Она замедлила шаг, и скоро Андрей Андреевич с Мишелем и Верой догнали их.

– Неладно как-то у нас складывается, – шутиливо нахмурил брови барон. – Гости сами по себе, а хозяйева сами по себе. Эдак скоро по округе и слух пойдет, что, дескать, старый барон гостей уже не привечает, а стало быть, к нему лучше и не ездить более. Помилуйте, за

что же мне такое наказание! – взмолился барон. – Давайте-ка я в обратный путь с Артемием Платоновичем пойду, а вы, молодежь, поспешайте за нами.

Как показалось Аристову, Петровская покинула его не очень охотно. А вот он расстался с ней с явным облегчением. Пока барон рассказывал свои полковые истории, Артемий Платонович, слушая его вполуха и время от времени поддакивая, не единожды задал себе вопрос: а не сболтнул ли он Петровской чего лишнего? И не единожды уже ответил: нет, он рассказал только то, что, в общем, было известно или могло таковым стать через самое непродолжительное время. О вояже чиновника Макарова в Володары, возможно по поручению полковника Мезенцова, он умолчал, как не сказал и о своем предположении, что Макаров вез в Средне-волжск какие-то весьма важные документы, из-за которых и был, собственно, убит. И все же после разговора с Петровской у него остался какой-то неприятный осадок. Словно он сделал что-то такое, без чего вполне можно было бы обойтись.

Так, за разговором, преимущественно одного барона и редкими фразами отставного штабс-ротмистра, они подошли к дому.

– Надеюсь, вы переночуете у нас? – без нотки сомнения спросил Андрей Андреевич.

– Пожалуй, – согласился Артемий Платонович, смутно чувствуя, что эпицентр интересующих его событий каким-то еще неясным способом переместился именно сюда, в замок баронов Дагеров. – Уже смеркается.

– Вот и славно, – обрадованно произнес частую для него фразу барон. – Верочка покажет вам вашу комнату. Правда, дитя мое?

– Конечно, правда, дядя, – улыбнулась Вера, довольная, что у нее появилась возможность остаться с сыщиком наедине.

И когда она привела Артемия Платоновича в его комнату, то не ушла, а попросила разрешения уделить ей несколько минут.

– Не смею вам отказать и с удовольствием готов служить вам, – галантно заверил ее отставной штабс-ротмистр, слегка поклонившись.

– Я бы хотела вас спросить, – нерешительно начала она, – выдаются ли полицией награды тем, кто помогает отысканию преступников?

– Да, насколько мне известно, – насторожился Аристов. – В департаменте для таких случаев существует небольшой, правда, специальный поощрительный фонд, и сумма награды зависит от вклада, какой внес тот или иной гражданин для раскрытия преступления.

Барышня заметно повеселела.

– Значит, такая награда возможна и в теперешнем случае? – продолжала задавать Вера неясные покуда для Артемия Платоновича вопросы.

Разговор приобретал весьма занимательный оборот. Право, эта дивчина кого угодно может с ума свести.

– Вам что-то известно, что может навести на след преступников? – осторожно спросил Аристов.

– Не мне, – уклончиво ответила Вера.

– Вот как. Тогда кому же? Поделитесь тайной.

– Одному человеку. Его зовут...

В коридоре послышались шаги и шумный говор. Кажется, это были Михаил и Петровская. Вера неожиданно помрачнела и замолчала.

– Ну, продолжайте, – заторопил Артемий Платонович Веру, но мысли девушки были уже далеко.

– Завтра в саду в восемь часов, – сухо объявила она ему, – я вам все расскажу.

– Право, вы меня заинтриговали, почему же нельзя сделать этого сейчас? – едва ли не в отчаянии спросил Аристов.

– Я вас буду ждать.

- Но сад такой большой, и мы можем разойтись.
  - Встретимся в беседке возле пруда.
- Девушка поднялась и быстро вышла из комнаты, едва сдерживая слезы.

Глава 11

СПЛОШНЫЕ НЕОЖИДАННОСТИ

Сад усадьбы был великолепен. Большие яблоневые деревья были высажены правильными рядами и образовывали широкую тенистую аллею, по обеим сторонам которой были оранжереи с экзотическими растениями, среди них были и такие, встретить которые можно было не во всяком и городском ботаническом саду. За теплицами рядами шли вишневые деревья, причем каждый сорт отдельно. Крыжовник, малина, черная и красная смородина и даже ананасы в оранжереях – все было в этом саду. А о цветочных куртинах, в правильном порядке полянами разбросанных по саду, не приходилось и говорить. Их было столь много, что у Артемия Платоновича даже слегка закружилась голова, и он поначалу не заметил, что за ним следом идет какой-то человек, не отрывая от него взгляда.

К своему удивлению, Аристов обнаружил в саду молодого барона.

– Вы не видели случайно мою кузину? – поздоровавшись, растерянно спросил Михаил. – Мне сказали, что она прошла в сад.

– Нет, не видел, – ответил отставной штабс-ротмистр.

– Эй, ты, поди сюда! – вдруг крикнул куда-то за спину Аристова Михаил, и Артемий Платонович, оглянувшись, увидел, что к ним медленной походкой приближается слуга госпожи Петровской. – Что, твоя хозяйка уже встала? – спросил молодой Дагер, когда тот подошел.

– Не могу знать, ваше благородие, – негромко ответил слуга, почтительно кланяясь.

– Так пойди и узнай, – приказал слуге молодой барон. – Я буду ждать тебя здесь.

Поклонившись, слуга повернулся и медленно пошел назад.

– Поспешай, любезный, – раздраженно крикнул ему в спину Дагер. – Я не намерен ждать тут тебя до самого морковкиного заговенья.

Слуга пошел быстрее, слегка прихрамывая на левую ногу.

– Э-ге, да он хромой, – заметил Михаил.

«Хромой, – согласился с ним мысленно Аристов. – Но не хочет этого показывать, потому и ходит медленно».

Было уже, верно, около восьми. Вот-вот должна была подойти Вера. Артемий Платонович надеялся, что слуга вернется с приглашением для молодого барона, но, к его досаде, вместо лакея явилась сама Петровская в попелиновом рединготе, кашемировой шали с капюшоном и кисейном галстуке, обшитом брабантскими кружевами, наряд этот, надо отметить, очень шел ей. Михаил, засветившись лицом, что не ускользнуло от внимательного взора отставного штабс-ротмистра, поспешил ей навстречу, едва кивнув Артемию Платоновичу.

– Сударыня, – услышал Аристов, – могу ли я попросить вас уделить мне несколько минут?

– Сейчас? – спросила Петровская, растерянно кивнув Артемию Платоновичу.

– Да. Мне нужно сообщить вам кое-что важное.

Отставной штабс-ротмистр галантно отвернулся и неторопливо пошел к беседке. Он уже не слышал, как Петровская довольно резким тоном выговорила Михаилу:

– Надеюсь, то, что вы хотите мне сообщить, действительно важно. В противном случае я рассержусь на вас, что вы помешали моей прогулке в такое замечательное утро.

– Не рассердитесь, – заявил Михаил с улыбкой, подавая ей руку. – Потому что найдена вещь, относящаяся к убийству вашего жениха.

– Что за вещь? – тут же спросила она, и Михаил почувствовал, как заметно дрогнула ее рука.

– Пачка писем, которая была похищена у вашего жениха, – почти победно сообщил ей барон.

– Это вам сказал господин Аристов? – глухо спросила она.

- Ну что вы! Моя кузина.
- А Артемий Платонович об этом знает? – с некоторой тревогой спросила Петровская.
- Пока нет.
- Это хорошо, – облегченно, как показалось Михаилу, выдохнула она. – Ведь эта частная корреспонденция, она принадлежит только мне. А где эти письма?
- В комнате Веры, в комод.
- Петровская выглядела встревоженной:
- А... откуда они у нее?
- Их принес ей этот шалопай Сенька. Ну, тот самый, что ставит силки в нашей роще, помните, я говорил вам о нем?
- Припоминаю. И где же он взял письма?
- Письма он нашел в лесу, у озера.
- Забавно, однако, – пожалала плечами Петровская. – А почему он принес письма именно ей?
- Все очень просто, Вера помогает его матери, и он ей доверяет. К тому же он рассчитывает на награду.
- Мне надо взглянуть на эти письма, – взволнованно заявила Петровская. – Они могут помочь мне найти злодеев.
- Я уже уговорил Веру показать их вам.
- Благодарю вас, – с чувством сказала Петровская, на мгновение прижавшись к нему, отчего у Михаила кровь бросилась в голову.
- Мысли его тотчас потекли по иному руслу, и вот он уже представил себе, как он передает ей письма и она в восторге целует его в щеку. Он не отпускает ее, все крепче сжимая в своих объятиях; его руки скользят по ее талии, бедрам, а их губы сливаются в страстном поцелуе. Их близости мешает только узкое приталенное книзу платье. Не велика помеха! В умелых-то руках...
- Вы где витаете? – прервал его грезы слегка насмешливый голос Петровской.
- Простите. Я... Я думал о вас...
- Интересно, что же вас так захватило, – лукаво спросила Петровская. – Вы даже не слышали моего вопроса.
- Вы спросили, почему я оставил службу?
- Она слегка поморщилась:
- Вот это меня как раз меньше всего занимает. Я спросила, где мадемуазель Вера?
- Не знаю, – опустил наконец на землю Михаил. – Я искал и нигде не мог ее найти.
- Пойдемте искать ее вместе. Ведь нельзя терять ни минуты!
- Они вышли из сада, и в это время со стороны птичьего двора в сад вошла Вера и направилась к пруду.
- Простите, что я заставила вас ждать, – извиняющимся тоном произнесла она, входя в беседку, где ее вот уже более четверти часа дожидался Артемий Платонович. – У меня так много дел.
- Вам не стоит извиняться, – галантно ответил отставной штабс-ротмистр. – Я уже успел заметить, какое у вас огромное хозяйство.
- Да, это так, – сказала Вера, присаживаясь против Аристова. – И за всем этим нужен присмотр.
- Я понимаю, – мягко улыбнулся он. – Слушаю вас.
- У меня имеются бумаги, что, по всему вероятно, преступники похитили у умершего в поезде. Это связка писем на польском языке.
- Где вы их нашли? – едва сдержался, чтобы не воскликнуть во весь голос, Аристов.
- Их нашла не я, а один деревенский мальчишка.

– Где?
– В роще возле озера недалеко от железнодорожной насыпи.
– Теперь понимаю... Так это вы для него хлопчете о награде?
– Да, – коротко ответила Вера.
– Могу я видеть эти письма?
– Конечно. Мы пойдем ко мне или принести вам письма сюда?
– Лучше сюда, – немного поразмыслив, ответил Аристов. – Если вас это, конечно, не затруднит.

– Хорошо, – согласилась Вера. – Я буду здесь через десять минут.

Но девушка вернулась раньше, и по ее встревоженному лицу Артемий Платонович догадался, что произошло нечто неприятное.

– Их нет, – в отчаянии выпалила Вера, еще не дойдя до беседки. – Письма исчезли!

«Кажется, началось», – подумал Аристов.

– Успокойтесь, расскажите все как было.

– Еще вчера вечером они лежали запертыми у меня в комод, – продолжала сокрушаться Вера, – в самом верхнем ящике. А теперь они пропали!

– Да-с, а кому еще вы говорили о письмах? – спросил отставной штабс-ротмистр.

– Только кузену.

– А-а, – невольно протянул Аристов. – Понятно.

– Что вам понятно? – с негодованием спросила Вера. – Уж не думаете ли вы, что их похитил Мишель?

– Не думаю, – спокойно ответил ей Артемий Платонович. – Я думаю, что их похитил другой человек.

– Но кто же? – с надеждой посмотрела на него Вера.

– Это мы скоро узнаем. А пока, – поднялся Аристов, – давайте пройдем к вам и посмотрим, все ли на месте.

Комната Веры была открыта.

– Скажите, вы никогда не запираете дверь своей комнаты? – спросил Аристов, входя.

– Днем – никогда, – чуть растерянно ответила Вера. – В этом просто нет надобности.

– Комод тоже не запираете?

– Он был заперт, а ключ находился при мне.

– Он и сейчас при вас? – поинтересовался Артемий Платонович.

– Конечно, – ответила Вера. – Вот он, – вытащила она из накладного кармашка небольшой медный ключ, больше похожий на игрушечный.

– Хорошо. Покажите, где лежали письма.

– Вот здесь, в верхнем ящике, – сказала Вера и, открыв, выдвинула ящик. – Что это?

– Что? – подошел к комоду Аристов.

– Письма, – недоуменно посмотрела на него Вера. – Они на месте! Но я же не могла их не заметить! Я перерыла везде, даже там, где этих писем и быть не могло.

– Весьма странно, – покачал головой частный сыщик, рассматривая отверстие замка в ящике.

Вера облегченно улыбнулась:

– Так иногда бывает: положишь какую-нибудь вещь на определенное место, затем захочешь ее взять, а ее нет. Ищешь, ищешь, а найти не можешь. А потом, когда уже и не надеешься ее отыскать, эта вещь вдруг самым неожиданным образом находится. И лежит она на том самом месте, куда ее и положили. Говорят, так шутит черт, – промолвила Вера.

Но Аристову было не до шуток.

– Но черту, чтобы залезть в ящик, не нужна отмычка, – сказал отставной ротмистр, указывая на царапины вокруг замка ящика.

– Вы хотите сказать, что... Это невозможно! – воскликнула Вера.

– Уверяю вас, барышня, напротив, вполне возможно, – сдержанно заметил Аристов. – Царапины вокруг замочной скважины ясно указывают, что его вскрывали каким-то острым предметом. Предположительно гвоздем.

Тонкие девичьи ладони коснулись полыхающих щек.

– Какой ужас!

– Кто-то вскрыл замок, взял письма, прочитал их, а затем положил на место, – спокойно сказал Аристов, – полагая, что его трюк останется незамеченным.

– Но кто?

– Письма на польском языке... Следовательно, тот, кто может читать по-польски, – резюмировал свое короткое дознание Артемий Платонович.

– Я, кажется, догадываюсь кто, – задумчиво посмотрела на отставного ротмистра Вера. – Мадемуазель Петровская, вот это кто! Она знает польский язык.

Аристов с интересом посмотрел на Веру. К высказываниям влюбленной девушки нужно всегда относиться с осторожностью.

– Милочка, откуда вам это известно?

– Мне сказал об этом кузен. Ее мать была полькой.

– Ну, это еще ничего не доказывает, – осторожно заметил Артемий Платонович. – В семье они могли не говорить по-польски. Позвольте, я возьму эти письма?

– Да, конечно, – легко согласилась Вера. – Они в полном вашем распоряжении.

Аристов достал из ящика пачку.

– Вам не кажется странным, что лента, перевязывающая письма, будто ослабла? – после недолгого молчания произнес он.

– Нет. Она такой и была, когда я получила их, – несколько обескураженно ответила Вера.

– Вы уверены? – пылливо спросил Аристов. – Подумайте. Ведь те, кто брал у вас эти письма, могли вынуть несколько самых важных.

– Уверена, – твердо заявила Вера. – Лента выглядит точно такой, какой и была, когда я принимала письма из рук Семена.

– Хорошо, если так, – задумчиво ответил Артемий Платонович. – А кто это, ваш Семен? Случайно не тот молодец, что нашел письма и хочет за них награды?

– Да, именно он, – ответила Вера.

– Знаете что, – задумчиво сказал Аристов. – Было бы неплохо переговорить с ним.

– Хорошо, я пошлю за Семеном.

Артемий Платонович едва скрывал приподнятое настроение. Это была самая настоящая удача. Ах, как правильно он сделал, что остался в замке, почувствовав: здесь что-то должно произойти! Выходит, не оставила его интуиция и не притупился еще сыщицкий нюх!

Теперь нужен план действий.

Первое – снять мерки со следов Петровской и ее лакея. Ведь до чего же умны, бестии. Вместо того чтобы прятаться – решили быть на самом виду. Превосходный способ не дать себя найти.

Второе – надо как можно скорее сделать перевод писем. В Нижнем Новгороде живет довольно много поляков, так что, как появится Обличайло, он пошлет его туда с письмами. Впрочем, пристав нужен ему и здесь, в усадьбе Дагеров.

Третье. Преступники вернули письма. А из этого следует, что нужные письма в пачке отсутствуют. Впрочем, это только предположение, хотя его можно и проверить: ежели Петровская со своим хромым слугой скоро съедет от Дагера, выходит, они заполучили то, что им было надо. А если останутся, значит, самого важного они еще не отыскали.

И четвертое. Надо срочно поговорить с этим малым Сенькой, отыскавшим письма. Возможно, он, желая заполучить за них награду, подстраховался и вытащил часть писем из связки.

Потому лента, обвязывающая пачку, и слабая. О том, что письма нашел именно он, знают еще Вера и Михаил. А раз знает Мишель, то знает и Петровская...

Размышления Аристова были прерваны стуком в дверь.

– Войдите, – разрешила Вера.

Дверь приоткрылась, и в проем просунулась голова лакея Петровской Прохора.

– Моя барыня спрашивают, можете ли вы ее принять? – пробасил он, кинув быстрый взгляд на Аристова.

Вера вопросительно глянула на Артемия Платоновича, и тот едва заметно кивнул.

– Передайте Валентине Дмитриевне, что я буду рада ее видеть, – с деланой улыбкой произнесла она.

Дверь закрылась, и через минуту в комнату вошла Петровская.

– Господин Аристов? – изобразила она удивление. – Как кстати, что вы здесь.

– А разве ваш слуга не доложил вам об этом? – чуть насмешливо спросил Артемий Платонович.

– Нет, – нимало не смутилась Петровская. – Моим слугам я разрешаю говорить лишь то, о чем я их спрашиваю.

– Присаживайтесь, – любезно предложила Вера.

– Благодарю вас, – села Петровская на свободный стул. – А я к вам с просьбой, милейшая Вера Михайловна.

– Вся к вашим услугам, дорогая Валентина Дмитриевна, – в тон ей ответила Вера.

Петровская удивленно приподняла бровь. Девушка уже не признавала ее превосходства и, видимо, перестала видеть в ней соперницу. Перемены в Вере несколько озадачили Петровскую, но она не подала и вида. Слегка улыбаясь, она ровным голосом произнесла:

– Ваш кузен сказал мне, что к вам попали письма на польском языке, похищенные, по видимому, у моего жениха. Я была бы вам очень признательна, если бы вы показали их мне. Вы же понимаете, как мне это важно.

– Они у господина Аристова, сударыня, – с вежливой улыбкой ответила Вера, повернувшись к Артемию Платоновичу. – Я только что передала их ему. Если ему будет угодно, он вам их, конечно, покажет.

– Пан разумеет по-польски? – спросила отставного штабс-ротмистра Петровская.

– Нет, – ответил Артемий Платонович.

– А хотите, я вам переведу эти письма? – неожиданно предложила Петровская.

– Извольте, – протянул Аристов пачку писем, стараясь не показать, что обескуражен.

Петровская взяла пачку, развязала ленту и раскрыла верхнее письмо.

– «...Наши товарищи из Петербургского революционного центра подтверждают, – принялась негромко читать Петровская, – что провокатором является именно поручик Пушкарев. Как установил П.Р., это Пушкарев донес шефу корпуса жандармов князю Долгорукову о тайном обществе в Средневожске. Необходимо как можно скорее совершить акт возмездия над предателем. Лучше всего поручить его устранение М... Полагаю, что он лучше всего справится с поставленной задачей. Смерть Пушкарева должна выглядеть естественной. Также необходимо сберечь П. Р. для последующего восстановления организации в Средневожске...»

– Однако, – невольно вырвалось у Аристова.

– А хотите знать содержание этого письма? – спросила Петровская, пробежав глазами вторую бумагу. – Здесь некто Иероним сообщает Польскому центральному национальному комитету, что тайные организации в Нижнем Новгороде, Перми, Средневожске и Саратове устраиваются по уставу иллюминатов: для вступающего в тайную организацию устанавливается продолжительный испытательный срок, в течение которого его постепенно вводят в круг идей и целей организации. Организации строятся по принципу двоек, когда каждый функционер знает только своего клиента и патрона...

– М-да-а, – озадаченно протянул Артемий Платонович. – В этом деле замешана политика.

– Я почти не сомневаюсь, что Костя... погиб из-за этих писем, – как-то разом посмурнела Петровская.

– Кажется, вы правы, – пристально посмотрел на Валентину Дмитриевну Аристов, стараясь скрыть нахлынувшее смущение.

Неужели он ошибается в ней и Петровская ни в чем не замешана и действительно хочет как-то отомстить за смерть своего жениха? Надо полагать, что и письма она вытащила из комода Веры, чтобы попытаться отыскать в них хотя бы какое-нибудь доказательство, способное вывести на след преступников. Потому и вернула их обратно! А хромой слуга?.. В конце концов, разве мало хромых на белом свете!

Артемий Платонович посмотрел на Веру. Лицо задумчивое, слегка настороженное, похоже, что она тоже пребывает в каких-то нелегких размышлениях. Следует исходить из того, что эти письма уже побывали в руках Петровской. Хотя, с другой стороны, она вряд ли сумела бы менее чем за десять минут прочитать их все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.